

A detailed marble bust of a man with a full, curly beard and hair. He is holding a cornucopia (a horn of plenty) in his right hand, which is visible at the top of the frame. The sculpture is set against a plain, light-colored background.

Александр Мень

Магизм
и единобожие

Александр Мень
В поисках Пути, Истины
и Жизни. Т. 2: Магизм и
единобожие: Религиозный
путь человечества до
эпохи великих учителей
Серия «В поисках Пути,
Истины и Жизни», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38564587

*В поисках Пути, Истины и Жизни. Т. 2: Магизм и
единобожие: Религиозный путь человечества до эпохи великих
учителей. / Протоиерей Александр Мень: Жизнь с Богом; Москва; 2009
ISBN 978-5-903612-17-8*

Аннотация

Что было раньше: язычество или вера в Единого Бога? Почему во все времена были связаны между собой нравственность и Единобожие? Какими путями выходит человечество из рабства Магизма к свободному Богопознанию? – На эти и многие другие злободневные и вечные вопросы отвечает предлагаемая

книга. Грандиозная панорама первобытных религий еще раз убеждает, что у истоков материального крушения всегда стоит духовное обнищание. Издательство благодарит Юликова А. М. за художественное оформление обложки.

Содержание

Введение	7
Часть I	20
Глава первая	20
Глава вторая	38
Глава третья	56
Глава четвертая	85
Конец ознакомительного фрагмента.	96

**Протоиерей
Александр Мень
В поисках Пути, Истины
и Жизни. Том 2: Магизм и
единобожие: Религиозный
путь человечества до
эпохи великих учителей**

*Создали два града, две любви: град земной –
любовь к себе до презрения к Богу,
град же Небесный – любовь к Богу до презрения
к себе.*

Блж. Августин «О граде Божием»

Сюжет обложки предложен автором

Редакционная коллегия:

Роза Адамянц, Наталия Вторушина, Наталья Григоренко, Павел Мень

Введение

Бог, сотворивший мир... от одной крови произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли... дабы они искали Бога, не ощутят ли Его, и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас: ибо мы Им живем, и движемся, и существуем. Апостол Павел (Деяния 17, 24)

В предыдущей книге, где речь шла о сущности и происхождении религии, слово «религия» употреблялось в единственном числе. Теперь же нам предстоит встретиться с удивительным многообразием религиозного мира человека. Африканские боги-предки и пантеистическое божество Ксенофана, чувственные культы Сирии и брахманский аскетизм, радения шаманов и эллинистические мистерии, демоны Вавилона и иранский Бог света, сонмы языческих божеств и суровый монотеизм Ветхого Завета. Кажется, что между ними общего? Не исключают ли они друг друга? Если бросить даже беглый взгляд на эту пеструю картину верований, то легко может показаться, что ни о какой единой «религии» говорить невозможно.

И, тем не менее, в мировом религиозном спектре можно усмотреть и некое существенное единство. Оно определяется самой природой религии, которая опирается на живой опыт веры. Вера же есть, прежде всего, состояние духа, рож-

денное переживанием реальности Высшего. В ней пробуждается особого рода интуитивное знание, совершается нечто подобное встрече, звучит таинственный призыв. Человек отвечает на этот призыв: религиозные учения с их метафизикой и с их этикой и являются такими ответами. В них не только осмысливается мистическое видение веры, но и делается попытка установить «обратную связь» с той сокровенной Сущностью, которая коснулась человека своим веянием. В самом же чувстве присутствия Божественного большинство религий обнаруживают внутреннюю общность.

Но если это так и если едина Реальность, к которой приобщается человек в религиозном опыте, то встает вопрос: как объяснить возникновение столь многих «ответов»? Почему опыт истолковывается столь различно?

В первом ответе на этот вопрос есть ссылка на несомненное сходство многих верований. «Разнообразие религий, – говорят его сторонники, – явление периферическое, поверхностное. На самом же деле по существу есть лишь одна истинная религия, разлитая всюду под разными формами». Такое решение как будто бы кладет конец нетерпимости и узости, помогая везде находить духовные сокровища. Наиболее последовательно придерживались этой точки зрения индийские мыслители: Рамакришна, Вивекананда, Радхакришнан¹. Но и Европе она не осталась чужда; мы находим ее у многих деистов и теософов, к ней приближались Лессинг и Новалис, Эмерсон и Толстой.

Несмотря на известную привлекательность подобного подхода к религиям, нетрудно убедиться, что он неизбежно приводит к их обезличиванию и к выхолащиванию живого богатства конкретных вероучений. Кроме того, стирание границ, вольно или невольно, ведет к замалчиванию важных противоречий в религиях. Ведь такие учения, как, например, буддизм и христианство, сходны скорее в чертах второстепенных, в главном же они едва ли не противоположны.

Сторонники второго взгляда, считающие себя строгими последователями Библии, впадают в другую крайность. Они признают, что есть лишь единственное Откровение, данное Израилю и от избранного народа перешедшее к сверх-Израилю, т. е. Церкви. Все, что лежит за пределами этого духовного потока, объявляется либо чисто человеческими домыслами, либо суевериями. Нельзя отрицать, что этот взгляд, действительно, получает некоторое обоснование в Библии. Суровая исключительность, свойственная ей местами, была отзвуком напряженных духовных битв, когда Израиль отстаивал свою веру перед лицом наступавшего язычества и христиане бросили вызов античному миру. С особой страстностью этот радикализм проповедовали Тертуллиан и некоторые другие раннехристианские писатели. В наши дни его возродил известный протестантский богослов Карл Барт². Тем не менее, было бы неверным отождествлять это порождение кризисных эпох с целостным духом библейского учения.

Священное Писание, взятое в полном своем объеме, открывает возможность более широкого понимания религиозной истории мира. Ветхий Завет признавал возможность Откровения, даруемого язычникам. Достаточно напомнить имена Мелхиседека, Валаама, Иова³. Характерно, что последний еврейский мыслитель времен независимой Иудеи – Филон – высоко ставил античную религиозную философию⁴. В Новом Завете, как мы увидим ниже, апостол Павел недвусмысленно указывал на возможность хотя бы частичного богопознания у язычников.

Отцы и учителя Церкви разделяли эту мысль, так же, как и отношение Филона к античной философии. Св. Юстин Мученик, Афинагор, свв. Феофил и Климент Александрийские, Минуций Феликс и другие христианские писатели воспринимали идеи Платона, Пифагора, Аристотеля и стоиков как наследие, естественно принадлежащее Церкви⁵.

Если от далекого прошлого мы обратимся к временам более поздним, то убедимся, что эта тенденция в христианстве не только не угасла, но постоянно возрастает. В частности, в православном сознании она проявляется довольно ярко. Так, преподобный Серафим Саровский в своей беседе с Мотовиловым говорил: «Как и в еврейском священном любезном Богу народе, и в язычниках, неведущих Господа, все-таки сохранилось ведение Божие»⁶. А известный русский проповедник XIX века святитель

Иннокентий Херсонский сравнивал представителей разных религий с обитателями разных поясов земли. «Христианство, – писал он, – по отношению к прочим религиям есть то же, что свет полдневный у людей, живущих под экватором, по отношению к свету солнечному у обитателей других частей земного шара. Свет один и тот же; различие только в степени»⁷.

Эту же аналогию с солнечным светом в применении к религиям использовал и Вл. Соловьев. Для него история верований была постепенным раскрытием истины людям. «Религиозный прогресс, – писал он, – не может состоять в том, чтобы чистая ложь сменилась чистой истиной, ибо в таком случае эта последняя являлась бы разом и целиком без перехода, без прогресса – и при этом возникал бы вопрос: почему это внезапное явление истины имело место в данный момент, а не во всякий другой?»⁸.

В XX столетии русская религиозная мысль осталась верной этой точке зрения. Говоря об основателях дохристианских религий, русский богослов А. Туберовский писал: «Они находятся под преимущественным мистическим воздействием; их религиозный опыт не умещается в традиционно народные рамки... В своих наиболее глубоких переживаниях они достигали поразительной интуиции»⁹. Еще более определенно высказывается Н. Бердяев. «Не только демоны, – говорит он, – открывали себя языческим народам и

терзали их, но открывался им Божественный свет, открывалось Божество в природе и в родовой народной жизни. Лишь еврейскому народу дано было непосредственное предвосхищение Христа и прямое движение к Нему. Но у всех народов было пророческое предчувствие и предвидение, что должно быть искупление и спасение мира»¹⁰. С разными оттенками эту мысль развивали о. С. Булгаков и С. Франк, о. П. Флоренский и Н. Арсеньев, о. В. Зеньковский и о. А. Ельчанинов и многие другие.

Здесь существует полное единомыслие между православными и католическими богословами. Такой, например, известный ученый, как кардинал Ж. Даниелу, писал, что в дохристианских культах, учениях и мистике мы должны признать «выражение откровения Бога, взывающего к каждой человеческой душе посредством космоса, совести и духа»¹¹. В Западной Церкви общепризнанный характер это утверждение получило посредством постановления II Ватиканского Собора. Декларация Собора, касающаяся нехристианских верований, гласит: «Католическая Церковь не отвергает ничего, что истинно и свято в этих религиях»¹².

Таково третье, подлинно христианское решение проблемы, которое преодолевает как теософское обезличивание религий, так и неоправданную узость псевдобиблеизма. Оно ведет не только к признанию ценного ядра в древних учениях, но и к осмыслению религиозных поисков человечества

в свете истории спасения. Центральное положение Христа в духовной динамике мира делает ее *путем*, пусть зигзагообразным и неровным, но тем не менее устремленным к свету Богочеловека.

* * *

Начало христианскому пониманию религиозной истории было положено апостолом Павлом¹³. Он утверждал, что отпадение человека от Бога повергло его во мрак идолопоклонства, но что это, однако, не остановило среди людей *поисков неведомого Божества*. Апостол указывал на *двойственный* характер религиозного процесса в истории. С одной стороны, в нем обнаруживаются деградация и затмение истины, но с другой – виден путь восхождения.

Первоначальное непосредственное ощущение единого Бога ослабевало, оттесняемое язычеством. Эта нисходящая линия есть результат ложного самоутверждения человека, восставшего против Творца. Стремление к автономии, запечатленное в библейском сказании о Древе познания, раскрывается апостолом как корень Грехопадения. Желание «быть как Бог» отдалило человека от источника жизни и поработило его демонам и стихиям. Оно не только породило многобожие, но и вскормило магию, магическое мирозерцание.

Магизм усматривал во Вселенной некие неизменные законы и силы, овладение которыми якобы сулило человеку бла-

годенствие. Он был более всего заинтересован теми внешними выгодами, которые люди могут извлечь, подчиняя себе видимый и невидимый мир. Подлинная религиозная жажда была чужда магизму, ставившему на место молитвы, веры и любви волхование, заклятие, принуждение. В этом проявлялась его глубинная связь с Грехопадением, с притязаниями человека утвердить свою волю выше воли Божественной.

Но стихия магизма не смогла окончательно захлестнуть человека, ибо грех не угасил искры Божией, вложенной в него. Поэтому уже в древнейших культурах мы сталкиваемся с первыми попытками сбросить власть магии и обрести утраченного Бога. Символом этой тоски по Небу апостол Павел избрал жертвенник «неведомому Богу», увиденный им в Афинах. Такое телеологическое понимание религиозной истории позволяет различать в ней иерархию ценностей и своего рода *этапы*, подготавливавшие мир к принятию Благой Вести. Отцы Церкви придавали большое значение этому предварению Евангелия в дохристианском мире. «Философия, – говорил Климент Александрийский, – была таким же детоводителем эллинов ко Христу, каким закон был для иудеев»¹⁴.

Самым большим достижением древних мистиков и философов явилось их возвращение, пусть и неполное, к *единобожию*, которое вновь возрождалось после веков безраздельного господства язычества.

Таким образом, в религиозно-историческом процессе об-

наруживаются два противоположных пути: путь от Бога и путь к Богу. И если упадок и магический политеизм суть плоды замутненного грехом сознания, то в богоискании осуществляется «великий факт исторического откровения, действие спасающего Бога, Божественный план воспитания человека, возможность духовного роста человечества и его поступательного движения к высшим ступеням»¹⁵.

Борьба магизма с единобожием не ограничивается Древним миром. В ней проявляется извечное противостояние двух полярных сил религиозной жизни. Анри Бергсон в своей замечательной книге «*Les deux sources de la morale et de la Religion*» (1932) называет эти два начала «статической» религией и религией «динамической». В терминологии Н. Бердяева это «объективированная», «социоморфная» религия и религия Духа¹⁶. М. Тареев определил магический тип верований как состояние «религиозной вражды», которое преодолевается раскрытием «религии богосыновства»¹⁷.

Этой духовной борьбе и поискам посвящена настоящая книга. В ней мы проследим, как ручеек единобожия пробивался через преграды язычества и магии, познакомимся с духовной историей классического Востока, Индии и Греции. Но в центре картины будет израильская религия, и это не случайно.

Откровение Ветхого Завета уникально, даже если смотреть на него просто как на одну из древних религий. Толь-

ко здесь звучит голос единого, надмирного и одновременно всеобъемлющего и личного Бога. Если предвосхищение Евангелия можно найти у многих философов и учителей, то единственными Его предтечами в прямом смысле слова были пророки Израиля. Огненный рубеж отделяет естественное, интуитивное богопознание от библейской теофании, от самоявления Бога в Ветхом Завете, от завершенного Бого-человеком Завета Нового. «Христианство и иудейство, – как верно замечает Ж. Даниелу, – не являются следствием имманентной эволюции религиозного гения человечества, лишь сравнительно высокоразвитым ее проявлением. Они представляют собой вторжение в историю трансцендентного Бога, который вводит человека в сферу, прежде для него закрытую. В этом смысле можно, вслед за Гвардини, противопоставить Откровение и религию. Библия – результат Божественного Откровения, данного людям всех религий»¹⁸.

Однако было бы ошибкой мыслить Откровение в виде некоего одностороннего воздействия на человека. Церковь всегда усматривала в нем богочеловеческую тайну, ибо оно есть преломление Небесного света в духе сынов земли. В самой Библии мы находим пример органического соединения Божественного и человеческого. В ней отражен долгий путь *раскрытия* полноты Слова Божия, процесс постепенного очищения и просветления несовершенной природы человека. Поэтому так важно исследование исторической и литературной формы Библии, которому служит *критическая*

До возникновения критической библеистики толкователи Писания исходили либо из буквального его понимания, либо из аллегорического. Буквальное нередко приводило к соблазнам, недоразумениям и ошибкам. Аллегорическое же оставляло слишком много простора для произвольных догадок. Библейская наука помогла преодолеть эти крайности. Литературная критика текста священных книг и сравнение их с памятниками Востока способствовали как уточнению прямого смысла Библии, так и пониманию ее духовного провозвестия.

Начало критической библеистике было положено католическими и протестантскими богословами, а также внеконфессиональными религиозными мыслителями. В настоящее время ее выводы и методы получили полное признание в западном богословии. Православные библеисты в силу исторических причин дольше других стояли в стороне от новых школ, но, в конце концов, необходимость библейской критики была признана и многими выдающимися представителями православной мысли. Среди них С. Трубецкой, Вл. Соловьев, о. С. Булгаков, Б. Тураев, о. А. Ельчанинов, Н. Бердяев, В. Веллас, Н. Арсеньев и др. Особенно нужно отметить выступление известного богослова, историка и церковно-об-

щественного деятеля А. Карташева, который выпустил специальную книгу о ветхозаветной критике. В ней он призвал православных богословов оставить устаревшие концепции и пользоваться критическим методом в изучении Священного Писания. «Тут, — подчеркивал он, — миссионерский долг и подвиг веры и церкви»¹⁹. По проложенному им пути идет в своих работах ректор Православного института в Париже о. А. Князев.

Итак, в целом современные богословы не усматривают в совершенствовании методов литературно-критического анализа Библии посягательства на ее духовный авторитет. Уже одно это должно заставить задуматься апологетов отживших представлений, которые еще нередки, особенно среди православных и протестантов. Думается, что наш религиозный долг гораздо больше заключается в поисках истины, нежели в том, чтобы любой ценой сохранить старые представления.

Библейская критика помогает более полно восстановить картину ветхозаветной истории, устраняет бесчисленные затруднения, с которыми сталкивалось богословие в докритический период, и поэтому она играет и будет в будущем играть важную роль в общехристианском сознании.

* * *

Предлагаемая книга не есть узкоспециальный труд, и менее всего это учебное пособие. Она, как и остальные части

цикла, была задумана скорее в духе повести или даже поэмы. Однако читатель не найдет здесь ничего такого, что не опиралось бы на первоисточники и на выводы современных исследований.

Для того чтобы рассеять недоумения, связанные с библейской критикой, в конце книги дан ряд приложений, посвященных основным проблемам изучения Библии. При цитировании Священного Писания в основу был положен синодальный перевод, но для уяснения смысла некоторые места (особенно поэтические) были переведены автором заново по критическому изданию Ветхого Завета²⁰.

Мне бы хотелось, чтобы эта книга не была воспринята просто как повесть о далеком прошлом. Как бы ни изменялся мир, есть проблемы, которые всегда будут волновать людей. Поиски, ошибки и духовные прозрения человечества не могут оставить нас равнодушными, особенно сейчас, в эпоху кризисов, разочарований и новых жестоких заблуждений. Сегодня для многих наступает время сделать внутренний выбор. И высшей наградой для автора было бы сознание того, что встреча с далекими предшественниками хотя бы в чем-то помогла нашим современникам в их поисках Пути, Истины и Жизни.

Часть I

Доисторический мир

Глава первая

Начало религии. Богиня-мать

*Земля-Владычица! К тебе чело склонил я,
И сквозь покров благоуханный твой
Родного сердца пламень ощутил я,
Услышал трепет жизни мировой.*

Вл. Соловьев

Кто не замечал той удивительной перемены, которая происходит в природе при наступлении ночи?

Эта перемена особенно чувствуется в летнем лесу. Днем его оглушает многоголосое щебетанье птиц; легкий ветер, раздвигая ветви берез, открывает безоблачную синеву; солнечные блики проскальзывают сквозь зеленый сумрак листьев, играют среди мха. Поляны напоминают уголки тихого и величественного храма. Яркие пятна бабочек и цветов, стрекотание кузнечиков, аромат медуницы – все это сливается в радостную симфонию жизни, которая захватывает каждого и невольно заставляет дышать полной грудью...

Совсем иначе выглядит тот же лес ночью. Деревья приобретают зловещие и фантастические очертания, голоса ночных птиц похожи на жалобные стоны, каждый шорох пугает и заставляет настораживаться, все проникнуто тайной угрозой и враждебностью, а мертвенный свет луны придает порой этой картине оттенок, близкий к видению бреда или кошмара. Природа, такая гармоничная и дружелюбная при свете солнца, внезапно как бы поднимается против человека, готовая мстить, уподобляясь древнему чудовищу, с которого сняты чары заклятия.

Этот контраст мог бы стать символом той перемены, которая произошла в мироощущении наших далеких предков на заре человечества. Врата мировой тайны закрылись перед ними, их стало покидать ясновидение и духовная власть над царством природы. Они очутились одни в огромном враждебном мировом лесу, обреченные на тяжелую борьбу и испытания.

Не только свой хлеб человек стал добывать «в поте лица», но и духовные богатства ему пришлось завоевывать напряженными усилиями многих поколений. Перед ним лежала скорбная дорога исторического развития, на которой ему предстояло падать и вставать, ошибаться и приближаться к истине, искать и преодолевать преграды.

Величие и красота истории человеческих поисков утраченного Бога заключаются в том, что человек всегда испытывает неудовлетворенность, никогда (пусть и бессознатель-

но) не забывает той «райской страны», которую покинул. Тогда, когда он впервые осознал себя в мире, он «говорил с Богом лицом к лицу». Теперь эта непосредственность общения нарушилась. Духовная катастрофа воздвигла стену между людьми и Небом. Но человек не утратил своего богоподобия, не утратил способности хотя бы в слабой степени познавать Бога. На ранних этапах в первобытном богопознании еще ясно жило ощущение единого Бога. Мы уже видели, что у многих примитивных племен, сохранивших быт своих далеких предков, сохранились следы первоначального единобожия²¹. Даже у народов, вступивших на путь развития цивилизации, мы сможем обнаружить следы этой древнейшей веры.

Но каков бы ни был культ, каковы бы ни были формы богочитания – это не было уже первоначальное лицезрение Единого. Религия – т. е. восстановление связи между человеком и Богом – начинается в истории человечества после Грехопадения. «Пафос религии, – говорит о. С. Булгаков, – есть пафос расстояния, и вопль ее – вопль богооставленности»²². То, что едино, нет нужды связывать, связь возникает как результат стремления преодолеть разрыв. Человек каменного века, как и человек наших дней, остро чувствует тяжесть великого разрыва. А на протяжении веков он порой увеличивался и пропасть углублялась.

Происходило это не потому, что Бог покидал человека, а потому, что человек удалялся от Бога. Правда, уже с са-

мых первых шагов мы находим выражение чувства вины перед Богом и желание ее искупить. Библия не случайно в начале всякого проявления религиозного чувства, т. е. культа, ставит *жертвоприношение*²³. В нем отразилось пусть смутное, но сильное стремление человека загладить свой грех и восстановить единство с Богом. Жертвуя Незримому часть своей пищи, которая добывалась с таким трудом, люди как бы заявляли о своей готовности следовать велениям Высшей воли.

Но обрести прежнюю гармонию было труднее, чем потерять ее. Поэтому мы видим, как люди в своей повседневной жизни все больше и больше уделяют внимание природному миру. Духовные силы, которые связаны со стихиями, начинают казаться им более близкими, более нужными помощниками в жизни. Ведь от них зависит успех охоты, они владельцы очага и рода.

Постепенно Бог в сознании первобытного человека начинает отступать на задний план, становится далеким и безличным. Характерно, что у большинства племен, даже сохранивших следы древнего единобожия, мы почти не видим культа высшего Божества. О Нем знают, что Оно существует, но Оно бесконечно удалено от мира, от жизни людей и кажется безразличным к их судьбам²⁴.

У некоторых народов образ Бога еще больше расплывается и сохраняется лишь в виде смутного представления о некой мировой духовной силе. Она безлична, ибо человек

уже утратил *личный* контакт с ней. К этой силе, в сущности, невозможно обращаться с молитвой, хотя в какой-то степени она все же влияет на жизнь.

Так, индейцы-алконкины под именем Маниту почитают не столько личного Бога, сколько надмирную силу²⁵. Представления о ней мы встречаем и у жителей Малайи. Эта сила носит определенно сверхъестественный характер. Ее называют *Мана*²⁶. У папуасов, по свидетельству Миклухо-Маклая, эта таинственная стихия именуется *Оним*.

По воззрениям австралийских аборигенов, существует некая «Вангарр – вечная, неопределенная, безликая сила, которая проявила себя во дни создания и продолжает оказывать благотворное влияние на жизнь по сей день»²⁷. Эскимосы называют эту сверхъестественную энергию – *Хила*²⁸. У африканских народов мы также находим понятие о Мана. У обитателей Западного Судана ее имя – *Ньяма*, у пигмеев – *Мегбе*, у зулусов – *Умойя*, у угандийцев – *Жок*, у северных конголезцев – *Элима*. Некоторые ученые даже считали, что этот культ – характерная особенность всех африканских религий²⁹. Весьма интересно и глубоко по смыслу представление о Высшем начале у североамериканских индейцев. «Религиозная вера дакотов, – пишет один исследователь, – не в божествах как таковых, она в таинственном непознаваемом Нечто, которого они суть воплощения... Каждый будет поклоняться некоторым из этих божеств и пренебрегать други-

ми, но величайшим объектом поклонения, каков бы ни был его проводник, является Таку Вакан, который сверхъестественен и таинственен. Ни один термин не может выразить полного смысла дакотского слова “Вакан”. Оно охватывает полноту Тайны, скрытую власть и божественность»³⁰. Эта сила, которая у ирокезов называется *Оренда*, у юленгоров – *Вангарр*, пронизывает собой всю природу³¹. Она объединяет в духовном единстве людей, животных, растения, камни. Она тождественна с идеей Маны у полинезийцев.

Сила эта распределяется в мире неравномерно, люди могут обладать ею в большей или в меньшей степени. Тот человек, которого сопровождает удача, который отличается ловкостью и красотой, – тот имеет «много Маны». Она может передаваться от одного предмета к другому, человек может стать причастен к ней посредством прикосновения и посвящения³².

Наряду с этим процессом обезличивания Высшего единства, превращения его в неопределенную силу все большую и большую роль в первобытном мировоззрении начинает играть всеобщая стихия природы, или Душа мира.

Вл. Соловьев в своем исследовании о мифологии дал блестящий анализ этого выделения из Божественного единства *Богини-Матери*. Она начинает рисоваться как общая родительница всех живущих, как супруга Божественного Отца³³.

В противоположность далекому Богу, утратившему черты

личного существа, это женское божество вполне конкретно и неустанно печется о нуждах людей. Она владычица леса и моря, посылающая удачу в охоте и дающая изобилие. В этом веровании нашло свое воплощение острое чувство мистичности природы, одухотворенности всего мироздания.

Археология дает нам поразительные свидетельства всеобщего распространения культа Богини-Матери в эпоху каменного века. На огромном пространстве от Пиренеев до Сибири и по сей день находят женские фигурки, вырезанные из камня или кости. Все эти изображения, древнейшее из которых найдено в Австрии, условно называют «венерами». Всех их объединяет одна важная черта. Руки, ноги, лицо – едва намечены. Главное, что привлекает первобытного художника, – это органы деторождения и кормления. Выдвигалось предположение, что древние женщины, как женщины некоторых современных примитивных племен, имели в действительности такие огромные груди и отвислые животы. Но если признать, что в «венерах» отразилось лишь стремление к реализму, то остается предположить, что у первобытных женщин не было лица и были крошечные руки.

«Порою, – писал *о. П. Флоренский* о «венерах», – подчеркивание особенностей женского организма превосходит пределы даже шаржировки, и статуэтка изображает уже женский безголовый торс, в котором особенно выделены бедра и груди. Наконец, последний предел упрощения – статуэтка, представляющая одни только груди, – чистая дея-

тельность рождения и вскармливания без малейшего намека на мышление. Это – древнейшее воплощение идеи “вечной женственности”»³⁴.

Статуэтка, изображающая женское божество.
Каменный век. Виллендорф, Австрия

Разгадка необычайных черт в фигурках «венер» кроется в том, что они были, как думают большинство исследовате-

лей, *культовыми* изображениями. Это не что иное, как идо-
лы или амулеты Богини-Матери.

Изображения «венер» обильны и в исторических слоях. Они найдены и в доарийской Индии, и в доизраильской Палестине, и в Финикии, и в Шумере. Сходство их сразу бросается в глаза³⁵. Создается впечатление, что культ Матери носил почти универсальный характер.

Это подтверждает и этнография. У народов, сохранивших пережитки отдаленных неолитических времен, почти повсеместно находим культ всеобщей Матери.

У маори она именуется *Пэна*, Мать-земля, супруга Бога Небесного³⁶. У эвенков Подкаменной Тунгуски – *Бугады Энинитын*. Она мыслится хозяйкой Вселенной и одновременно матерью зверей и людей. Кетское женское божество *Томам* (<ам — дословно «мать») функционально подобно эвенкийской *Бугады Энинитын**¹. Другое название эвенкийской богини – *Бугады Мушун**%.

В Индии она известна под именами *Шакти* и *Пракрити*. В одном древнем индийском тексте она прямо связывается с ростом и рождением. А на одной печати из Хараппы (доарийского периода) можно рассмотреть изображение женщины, из лона которой поднимается растение³⁹.

В Передней Азии и Африке великая Богиня-Мать почиталась почти у *всех* культурных народов периода начала письменности. «Та, которая рождает плоды земли» – египет-

ская *Исида*, малоазиатская *Кибела*, чья скорбь несет умирание растительности, ее двойник в Элладе – *Деметра*, карфагенская *Танит*, сидонская *Астарт*, *Артемид* *Эфесская*, изображавшаяся с десятком грудей, как бы готовая накормить весь мир, – все это лишь перевоплощения древней Матери мира. В языческой Руси слово «Мать-земля» имело не просто метафорическое значение. Оно обозначало душу природы, богиню, супругу «Хозяина неба».

Иранский символ плодородия

Богиня-Мать правит всеми природными процессами. Это она заставляет оживать семя, погруженное в землю; она вселяет любовь в людей и животных, ей поют песни в дни весеннего ухода за птицами. По ее мановению распускаются цветы и наливаются плоды. Ее радость – это радость всего живущего; ее глаза смотрят на нас с небесной лазури, ее рука нежно ласкает листву, она проносится над миром в дуновении весеннего ветра.

Имеем ли мы право считать эту веру древних лишь плодом невежества и заблуждений? Не свидетельствует ли она о том, что душа природы была ближе и понятней людям, которые обладали более сильной интуицией, чем мы? Да впрочем, и в более поздние времена в религии и философии идея души мира не умерла. Она продолжала жить и в мировоззрении греков, и в мистической философии новой Европы. Она звучит горячим убеждением в известных словах Тютчева:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик;
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

Теперь становится понятным тот факт, что в глубокой древности жреческие функции принадлежали преимущественно женщинам. Так, у северных индейцев заклинания совершались женщинами. У некоторых индейцев существует сказание о том, что «обряды плодородия» были учреждены женщинами. По одному ирокезскому преданию, первая женщина, основательница земледелия, умирая, завещала протащить свое тело по земле, и там, где оно касалось почвы, вырастал обильный урожай. Шаманок и жриц знают наиболее примитивные культуры⁴⁰. Там, где это явление уже исчезло, можно найти его следы. Так, у чукчей и других северных народов шаман-мужчина одевался в женскую одежду⁴¹. А таинственные фрески с о. Крит свидетельствуют о том, что в особо священные моменты мужчина должен был облачаться в женский костюм⁴².

Да и кто, как не женщина — живое воплощение мировой Матери, должна держать в руках тайны культа? Не носит ли она в своем теле тайну рождения? Главенство женщин в религии было у галлов, древних германцев и многих других народов. Культ плодородия, который стоял у истоков религии Диониса, также возглавлялся жрицами. А римские весталки в древности имели гораздо большее значение, чем впослед-

ствии. Вспомним, что важнейший греческий оракул в Дельфах основывался на прорицаниях жрицы.

Многочисленные народные поверья о колдуньях, ворожеях и ведьмах есть лишь отголосок тех древних времен, когда жертвоприношение, заклятия и магия были в руках у женщин.

Вполне естественно, что при таком важном культовом значении женщин они оказывались в роли вождей и руководителей племени. Как отзвук этих времен можно рассматривать власть Великой жрицы на о. Крит. Хотя в настоящее время ученые не пришли к единому мнению относительно происхождения *матриархата*, тем не менее ясно, что он был свойствен большинству древних племен.

Матриархальные верования проливают свет на те изображения каменного века, где женщина ставится рядом с бизоном, оленем или другим промысловым зверем. Это магические символы, связанные с заклинаниями, которые произносили женщины перед охотой. Если судить по наскальным рельефам Лосселя, то можно предполагать, что существовали особые охотничьи обряды, совершаемые хором женщин⁴³.

Материалистические авторы пытаются дать свое объяснение матриархату. С одной стороны, они готовы выводить его из «производственных отношений», а с другой – ссылаются на групповой брак, известный у некоторых отсталых племен, при котором трудно установить, кто отец ребенка. При групповом браке линия родства велась по матери. Но так

как групповой брак современных отсталых племен довольно сложное и, в сущности, позднее явление, то высказывалось предположение о первоначальном промискуитете, т. е. беспорядочных половых отношениях в первобытном обществе⁴⁴.

На это можно возразить, что, во-первых, от родства по материнской линии до главенства женщины в племени еще очень далеко, а во-вторых – гипотеза о первоначальном промискуитете, в сущности, ничем не доказана.

Если хотят видеть здесь «наследие животных предков», то не следует забывать, что у многих животных и в частности у антропоидов мы находим зачатки семьи (с главенством самца). Даже такие далекие от человека существа, как копытные, хищники или некоторые виды птиц, на периоды спаривания и воспитания детенышей образуют пары, которые часто приобретают постоянный характер.

Когда думают, что любовь двоих – это какое-то высшее достижение цивилизованного человека, то глубоко ошибаются. Близкое знакомство с бытом отсталых народов заставило признать у них те же чувства, что и у нас. Для примера приведем одну австралийскую легенду. «Жили в далекие времена юноша и девушка. Они очень любили друг друга. Когда юноша достиг совершеннолетия, его внезапно оторвали от дома и от девушки: он должен был пройти обряды посвящения, продолжающиеся год или больше. Разлука сильно подействовала на девушку. Она смутно представляла себе те

болезненные испытания, которые ждали ее возлюбленного, и боялась за него. Когда началось посвящение и всем женщинам приказали удалиться, девушка, нарушив самый суровый закон аборигенов, под покровом темноты пробралась к священному месту. Поздно вечером один из стариков увел юношу в сторону от стоянки. Там они устроились на ночь. Но парень не мог спать – очень болели свежие раны. При виде страданий своего возлюбленного девушке захотелось увести его от стариков и уйти с ним куда-нибудь далеко-далеко, где бы они могли жить спокойно и счастливо. Подобравшись поближе к костру, она, чтобы привлечь внимание юноши, стала подражать крикам зверей. Когда юноша заметил ее, девушка велела ему следовать за собой. Но не успели они очутиться вместе, как проснулся страж и начал разжигать костер. Зная, что их обоих ожидает смерть, если их поймают, девушка обвила руками юношу и полетела с ним на небо»⁴⁵. Эти австралийские Ромео и Джульетта достаточно ярко показывают, что человеческое сердце всегда и всюду живет по своим законам. Путешественники очень часто с удивлением отмечали, что отношения мужчин и женщин у самых диких племен удивительно похожи на те, которые имеют место у нас. Об этом свидетельствует, например, английский исследователь Адриен Кауэлл, побывавший среди туземцев непроходимых лесов Южной Америки⁴⁶. Эти наблюдения не дают нам права считать, что первобытный мужчина обращался со своей женой хуже, чем его потомки. Скорее наоборот – под-

чиненное положение женщины есть результат более позднего этапа, периода патриархата.

Моногамный брак был обнаружен у пигмеев Конго и у диких туземцев Малакки, у одного из наиболее примитивных племен Колумбии и у народа ведда – обитателей Цейлона, у папуасов Доре, у туземцев Канарских островов и многих австралийских племен⁴⁷.

Разумеется, при этом достаточно развито и чувство верности, и чувство ревности. А. Кауэлл в беседах с туземцами убедился, что и у них есть измены и свои Отелло. «Ведь муж убьет, если узнает», – говорил один из туземцев, рассказывая о своих похождениях⁴⁸.

* * *

Исследования этнографов показали, что полигамия и полиандрия в целом были вторичными явлениями, которые обязаны своим возникновением особым, специфическим условиям жизни того или иного народа, того или иного племени. И даже в случаях узаконенной полигамии всегда выделяется «главная» или «старшая» жена, в чем легко усмотреть отзвук изначальной моногамии.

«Оказались слабыми все аргументы, – говорит *В. Вундт*, – при помощи которых старались из существующего положения первобытных народов вывести первоначальное состоя-

ние человечества в виде орды, обходившейся без брака и семьи. Скорее и при групповом браке, который ценится как важнейшая часть этого доказательства, и при более простых формах полигамии факты везде указывают на *моногамию* как на основу развития этих образований»⁴⁹.

Пусть естественная моногамия сохранилась не везде и не всегда, пусть история человеческой семьи сложна и запутанна, ясно одно: поскольку групповой брак не был изначальным и всеобщим, он и не мог послужить основой для возникновения матриархальных представлений.

Не в производственных отношениях и хозяйстве и не в особенностях первобытного брака следует усматривать корень матриархата. Возрастание роли женщины в доисторическом обществе было, несомненно, связано с расцветом культа Богини-Матери и ведущей ролью шаманок и жриц.

Эту связь на примере доисторической Греции с удивительным проникновением в дух верований проследил Вяч. Иванов. «Чем в отдаленнейшую восходим мы древность, – писал он, – тем величавее рисуется нам образ вещуньи коренных изначальных тайн бытия, владычицы над прозябающей из их темного лона жизнью, придверницы рождений и похорон, родительницы, восприемницы, кормилицы младенца, плакальщицы и умастительницы умершего.

... Эпоха наибольшей чуткости к подсознательному и верности темной, отрицающей индивидуализацию Земле была эпохой владычества матерей... Всякое исследование ис-

тории женских божеств, под каким бы именем ни таилась Многоимянная... наводит нас на следы первоначального фемин-монотеизма, женского единобожия. Все женские божественные лики суть разновидности единой богини, и эта богиня – женское начало мира, один пол, возведенный в абсолют»⁵⁰.

И подобно тому, как родоначальница племени была его общей матерью, так и первобытный культ Богини-Матери породил все последующие формы язычества.

Глава вторая

В мире демонов и духов

*Все полно богов.
Фалес Милетский*

Богиня-Мать – всеобщая прародительница. Из ее лона вышли растения, животные, люди. Поэтому в мышлении первобытного человека живет чувство *родства*, которое связывает все живые существа. Для охотников каменного века зубры и медведи, орлы и бобры – это такие же дети природы, как и они сами. Даже опасные звери, даже объекты промысла представлялись им таковыми. Следы этого чувства мы находим у многих примитивных народов.

Когда эвенки охотятся на медведя, они окружают его берлогу, произнося формулы «уговоров», и когда медведь убит, долго извиняются перед ним и уверяют, что они не виноваты в его гибели⁵¹. У северных народов есть обычай, по которому после раздела туши тюленя какую-нибудь часть ее бросают в воду со словами: «Тюлень ушел в море!» Черепа убитых зверей приносят в дом и всячески ублажают их, как дорогих «гостей». Охотники танцуют вокруг и поют: «Не мы вас убили, нет, нет! Камни скатились с горы и убили вас»⁵².

Идея братства человека и животного нашла свое выражение в широко распространенных мифах, согласно которым

предки людей имели смешанные человеко-звериные черты. Индейцы верят, что эти существа могли легко менять свой облик. В подобных легендах прочно установилось понятие «животные-люди»⁵³.

Первобытный рисунок, изображающий человекозверя

По верованиям австралийцев, эти получеловеческие

предки бродили по всей стране урабунна, совершая священные обряды, а впоследствии некоторые из них превратились в мужчин и женщин.

В этом мифе звучит как бы смутная догадка об общности происхождения животных и людей⁵⁴.

Звероподобные духи обитают на земле и поныне. «Старик по имени Покатегемун, – рассказывает один этнограф, – в особом видении встретил своего покровителя. Покровитель имел человеческий образ и дал ему свое благословение. Только уже уходя, это существо вдруг закричало: “Кванк, кванк, кванк!” Тогда Покатегемун заметил, что это, в сущности, утка и что даже тело ее наполовину белое, наполовину черное». Такие превращения весьма часты в рассказах шаманов и духовидцев.

В пещерах – местах обитания первобытных людей – обнаружено много странных рисунков. Они изображают невероятных чудовищ с ногами людей и мордами коз, с оленьими рогами и человеческим туловищем. Некоторые полагали, что это портреты загримированных колдунов. Но даже если согласиться с таким толкованием, то легко догадаться, что сам этот необычный костюм заклинателя ведет свое происхождение от мифа о человекозверях.

Кроме того, некоторые рисунки дают настолько фантастическое переплетение звериных и человеческих признаков, что трудно предполагать здесь какую-либо маскировку. Очевидно, вера в зооморфных предков восходит еще к пещер-

ным жителям⁵⁵.

Эта вера оказала огромное влияние на общественный уклад древних людей. Она объясняет возникновение такого своеобразного явления, как *тотемизм*⁵⁶. Тотем – это, как правило, животное, которое считается предком и покровителем данного племени. Тотемизм характерен почти для всех австралийских племен⁵⁷. В его основе лежит вера в то, что люди кровно связаны с миром животных, а данное племя – с определенным видом животного⁵⁸. Одна из важных черт тотемизма – это его связь с ощущением коллективности. Семья, племя сознают себя чем-то единым в самом глубоком смысле слова. Обостренный индивидуализм – детище цивилизации. Первобытный человек еще не утерял ключ к тайне *единства* человечества. Залогом этого единства является общий тотемический предок и дух-покровитель рода⁵⁹. Когда ребенок становится членом общины, то «в момент его посвящения открывается эта великая коллективная сила. Он отказывается от своей индивидуальности, чтобы стать членом этой общины... которая сопричастна... духу и отождествляется с животным миром через свой тотем»⁶⁰.

Тотемными покровителями у австралийцев являются обычно кенгуру, опоссум, ящерица, летучая мышь и пр. Члены тотемической общины не имеют права употреблять мясо «своих» зверей в пищу. Хотя в исключительных случаях это допускается как часть ритуала⁶¹.

Некоторые ученые выдвигали гипотезу, что тотемы – это не что иное, как объекты охоты племени или животные, внушающие особый страх⁶². Но это не соответствует действительности. Животные-тотемы – совсем не обязательно опасны и ценны для промысла. С. Токарев совершенно справедливо отмечает, что «нельзя видеть основу тотемизма в этой “хозяйственной” его стороне»⁶³.

Источник тотемизма – вера в духовное единство с природой. Он имел широкое распространение в различных частях света. Следы его обнаруживаются не только у примитивных племен Азии, Африки и Америки, но и у цивилизованных исторических народов. Запрет на убийство коровы в Индии, табу на свиней у израильтян и мусульман – отдаленные отголоски седой старины, когда эти животные были священными тотемами.

Кроме коллективного родового тотема, существовали и тотемы индивидуальные. Связь человека с избранным духом-покровителем, которую мы находим в религии африканцев, эскимосов, индейцев, не менее древняя, чем групповой тотемизм⁶⁴.

Постепенно групповые тотемы стали утрачивать свой звероподобный характер, превращаясь в духов-патронов племени или народа.

Было бы неправильно считать тотемизм какой-то особой нормой религии. Он лишь проявление особого мироощущения, когда вся природа предстает перед человеком одушевленной. Сила *Малы* пронизывает ее повсюду, видимый мир есть тело невидимой Божественной силы. Именно этот анимизм есть религиозная основа тотемизма⁶⁵.

Что же поддерживало это мироощущение в первобытном человеке? Страх – отвечают нам. Человек боялся ядовитых змей, хищных зверей, поэтому боялся темноты. Крики ночных птиц он относил за счет лесных духов. Но такое объяснение естественно в устах человека городской цивилизации. Наивно было бы думать, что люди, веками охотившиеся в лесах и тундрах, так плохо знали их жизнь, что легко принимали филина за лешего, а обезьяну за злого духа.

Всякий охотник чувствует себя в лесу как дома. Каждый след, каждый звук знакомы ему. Из поколения в поколение передавался опыт охотников. Их сведения о природе до сих пор во многом оставляют позади знания европейских ученых. И поэтому считать, что просто страх внушал древним людям веру в духовные существа, по крайней мере неосторожно.

Исследователь, который изучал дикое племя кубу (Суматра), спросил одного из них:

– Ходил ли ты когда-нибудь по лесу?

– Да, часто.

– Слышал ли там стоны и вздохи?

– Да.

– Что же ты думал?

– Что трещит дерево.

– Не слышал ли ты криков?

– Да.

– Что же ты подумал?

– Что кричит зверь.

– А если ты не знаешь, какой зверь кричит?

– Я знаю все звериные голоса...

– Значит, ночью в лесу ты ничего не боишься?

– Ничего.

– И ты никогда не встречал там ничего неизвестного, что могло бы тебя испугать?

– Нет, я знаю все...⁶⁶

Такие вопросы можно было бы задать охотникам многих уголков земного шара, и результат был бы тот же.

Правда, в жизни первобытных людей страх имеет место. Но это реальный страх. Страх голода, неудачи в охоте, встречи с опасными животными. Разумеется, в суровых условиях Арктики или тропиков причин реального страха больше, чем в странах с умеренным климатом. И тем не менее мы не видим, чтобы обитатели этих стран были менее религиозны, чем эскимосы или африканцы. Следовательно, корни веры в

духовный мир нужно искать в чем-то другом.

* * *

Эдуард Тэйлор считал, что «древние дикари-философы, вероятно, прежде всего сделали само собой напрашивающееся заключение, что у каждого человека есть жизнь и есть призрак»⁶⁷. И этот «анимизм» они перенесли на природу. Но мы уже видели, что «философствующий дикарь» – это миф. Исследования мышления современных примитивных племен показали, что не рефлексия и не «философия» руководят первобытными людьми, а иррациональная интуиция. Они видят мир «полным духов» не потому, что размышляли о нем, а потому, что *ощущали* мистическую тайну в природе.

И если мы обратимся к религии «дикарей» в ее конкретных проявлениях, то, по словам Л. Леви-Брюля, убедимся, что их вера в сверхъестественный мир не выступает как «заключение, сделанное путем рассуждения». Духовный мир для них «реален и даже более глубоко реален, чем мир общедоступного и обыденного опыта. Этот второй мир тоже является объектом опыта, но опыта сверхъестественного, имеющего, значит, высшую ценность. Одним словом, согласно Вирцу, как и согласно Тэйлору, существование сверхчувственной реальности “умозаключается”. Мне же, напротив, кажется, что она является непосредственно данной. Там, где ему видится деятельность разума и мыслительных способно-

стей, я констатирую то, что он сам в нескольких местах называет чувством, другими словами, опыт»⁶⁸.

Первобытный человек видел повсюду сокрытую одушевленность: и в стволах деревьев, и в лесных животных, и в беге облаков. Для него взаимодействие вещей в мире – это не только взаимодействие видимого, но в то же время – и более всего – взаимодействие невидимого. В журчащем ручье, в пламени костра обитали духи, враждебные или добрые, а иногда и нейтральные. Стихии не казались ему чем-то бездушным. Невидимый мир не составлял для него какого-то изолированного плана бытия. Он был тут же, рядом, он подразумевался во всем. «Для первобытного мышления, – пишет Леви-Брюль, – не существует двух миров, соприкасающихся друг с другом, отличных, но вместе с тем связанных, более или менее проникающих друг в друга. Для первобытного мышления существует только один мир. Всякая действительность мистична, как и всякое действие, следовательно, мистичным является и всякое восприятие»⁶⁹. Духи оказываются гениями-покровителями каждого клочка земли, имея в своей власти все явления природы, совершающиеся в данном месте, и все события в жизни людей, живущих в их пределах. Число их бесконечно. Они наполняют весь мир, и нет в природе силы или предмета, начиная от моря до комка земли на поле, которые бы не имели своего божества. Они охраняют холмы, рощи, реки, ключи, тропинки и хижины. Им известно каждое действие человека, все нужды

и интересы местности, находящейся под их властью⁷⁰.

Таким образом, не просто страх перед природой или неведение относительно голосов животных и птиц становятся источником веры в одухотворенность мира. Если такой страх и появлялся, то он был скорее *результатом* чувства этой одухотворенности. Не просто зверь, гора или дерево являлись причиной мистического страха человека, а то, *как* он воспринимал их.

* * *

Животные, которым гиляки оказывают поклонение, – пишет Л. Штернберг, – не самостоятельные боги, даже не боги вообще, это лишь подчиненные настоящих божеств, хозяев той или иной стихии, тех или иных животных... Боги эти живут в лесах, горах, на дне морей и ведут такую же жизнь, как и сами гиляки. В каждой стихии распоряжается один из этих богов, “ыхь” – хозяин. Вот эти-то хозяева и посылают гиляку по сезонам все, что ему нужно: соболей, медведей, лососей, тюленей»⁷¹.

Само собой разумеется, что эти души стихий, эта таинственная Вселенная гораздо больше заботила и интересовала доисторического охотника, чем далекое и туманное Божество. Вступить в дружественный союз с духами леса, приобрести невидимых помощников и покровителей – вот что

было жизненно важно.

Характерен такой случай. Один эскимос, приближаясь к ловушке, услышал тревожный крик ворона. Он насторожился и не стал двигаться дальше. Это спасло ему жизнь. К ловушке подошел гигантский медведь, который растерзал попавшегося в нее ворона. После того как зверь удалился, охотник подобрал останки птицы и, зашив их в мешочек, превратил в амулет. Он был уверен, что дух ворона стал его защитником⁷².

Конечно, во всем этом немало бессмыслицы и невежества, но глубинная основа первобытного мироощущения заслуживает самого серьезного подхода и отношения. Если мы утратили способность видеть скрытую жизнь природы, то это еще не означает неправоту наших предков, а говорит лишь об ослаблении в нас древней интуиции.

Особое отношение было у первобытных людей к душам умерших. Если даже в наш скептический век оккультные феномены вызывают все меньше и меньше насмешек, то легко представить себе, какое впечатление могли произвести они на людей доисторических времен. Они убеждались, что иные духи умерших превращаются в бродячие тени, которые вселяют ужас. Для того чтобы предотвратить это, применялись самые разнообразные меры предосторожности. Тела покойников связывали, над ними произносили заклятия, а если это не помогало, их извлекали из земли и пронзали копьями, чтобы они перестали тревожить живых⁷³.

Сейчас трудно установить, как понимали древние люди отношение душ умерших к стихийным духам. Скорее всего, они в какой-то степени отождествлялись. Полагали, что после смерти душа становится членом таинственного синклита окружающей человека природы⁷⁴. Даже и сейчас в нас подсознательно живет чувство, что умершие обретают какое-то высшее знание и могущество. Смерть накладывает отпечаток величия даже на ничтожных людей. И естественно, что души прародителей, великих вождей и шаманов древности оказывались объектами особого поклонения. Они становились высшими покровителями рода наряду с тотемным предком, порой вытесняя его.

* * *

Какое же можно дать определение этой «религии духов»? Заключалась ли она в поклонении силам природы или в поклонении душам умерших? Правильнее будет сказать, что ни один из этих элементов не занимал в ней господствующего положения. Религия современных примитивных народов содержит в себе в равной степени и то, и другое. Поэтому наиболее точным будет здесь определение Вл. Соловьева, данное в его исследовании о первобытном язычестве. Эту веру, в которой природа признавалась оживотворенной, в которой чтили тотемных покровителей и предков, в которой был и

культ умерших, он назвал *смутным пандемонизмом*¹⁵. Этот пандемонизм отодвигает на задний план не только Божество, но и саму Богиню-Мать. Торжествует принцип плюрализма, согласно которому все и всюду имеет свое особое духовное начало.

Это воззрение распространяется буквально на весь видимый мир. По представлению австралийских аборигенов, «вся та часть вселенной, которая представляет интерес для человека, объясняется существованием различных душ: эти последние время от времени принимают облик человека или биологических видов в явлении природы: они появляются перед людьми во сне и в видениях, как в воплощенном, так и в бесформенном состоянии. Это значит, что между духами и определенной формой их воплощения нет прочной связи. Духи могут символизироваться как предметами, сделанными рукой человека, так и естественными видами»⁷⁶.

Здесь – корни того странного, на первый взгляд, верования, которое получило в науке название *фетишизма*. Фетиши, т. е. священные предметы, сопровождают всю жизнь первобытного человека⁷⁷. Это может быть и камень, и зуб животного, и даже череп родственника. В них обитают духи, и человек, обладающий фетишем, заручается их поддержкой. Как и тотемизм, вера в фетиши не есть какая-то особая религия, как думали некоторые исследователи. «Ясно, – говорит В. Шмидт, – что фетишизм сам по себе нигде не

существует, и поэтому нет никаких этнологических оснований помещать его в качестве самостоятельной ступени в самом начале религии»⁷⁸. Многие ученые сомневаются в правомерности даже самого термина «фетишизм»⁷⁹.

То, что неодушевленному предмету придается сакральное значение, вытекает из общей веры в одушевленность мира, в то, что *Мана* может распределяться в мире неравномерно, что один предмет может иметь больше силы, а другой – меньше.

Очень часто фетишизм связан с верой в тотемы; священными предметами оказываются эмблемы духа-покровителя. В Австралии такими родовыми святынями являются *чуринги*. Это обычные каменные или деревянные дощечки, расписанные символическими знаками⁸⁰.

Чуринги хранятся в особых местах, сокрытых от непосвященных. Время от времени старейшины осматривают их. На фотографиях, которые удалось снять некоторым исследователям, мы видим бородатых вождей, которые с глубокой серьезностью и с выражением сознания значительности момента созерцают чуринги. Еще бы! Ведь в этих дощечках заключены тайные силы, которые управляют племенем и охраняют его. Чуринга – это живое существо. «Это совсем не кусок дерева или камня, это нечто совсем иное. Чуринга интимно связана с предком, она испытывает чувства, подобно нам: эти чувства или эмоции можно успокаивать, поглажи-

вая чурингу рукой, т. е. таким же путем, каким успокаивают волнения живых людей»⁸¹.

Иногда какой-нибудь фетиш приобретает значение талисмана. Он противопоставляет силе – силу, вредоносному влиянию – свое, защитное. Вера в значение таких *амулетов* проходит через все века человеческой истории. Найденные в одной ориньякской стоянке хвосты мамонтов и лапки песцов, очевидно, имели такое «охранительное» значение⁸². Амулеты защищают человека от воздействия злых духов, от опасности и неудачи. Путешественников, побывавших у африканского племени тома, поразило обилие этих сакральных знаков. «В каждой деревне, – рассказывают они – мы видим ритуальные предметы, которые до сих пор не замечали. На могилах предков лежат кресты из бревен, просверленные посредине и нанизанные на длинный стержень, словно наложенные один на другой турникеты. На площадках стоят колышки, около них кучкой положены кольца. На хижинах по стенам прикреплены пучки лиан-выюнков. Под крышами висят гирлянды гибких лиан. Все эти талисманы защищают селение или семью от огня, от смерти, от болезней»⁸³.

Охотники имеют свои особые амулеты, женщины – свои, дети – свои. Иногда выбор фетиша оказывается совершенно случайным. Один туземец рассказывал, что, спасаясь от врага, он споткнулся о камень; он взял его с собой и с тех пор почитал как фетиш. Известный русский путешественник С.

Крашенинников рассказывает о том, как некий коряк приобрел себе фетиш-жену. Он нашел на реке камень, и когда взял его в руки, «то камень на него как будто человек дунул». Он испугался и бросил камень. После этого он заболел и, решив, что болезнь связана с его поступком, стал искать камень. Скоро он нашел его, но на другом месте. Он взял камень себе в дом, сделал ему платье и считал своей женой⁸⁴.

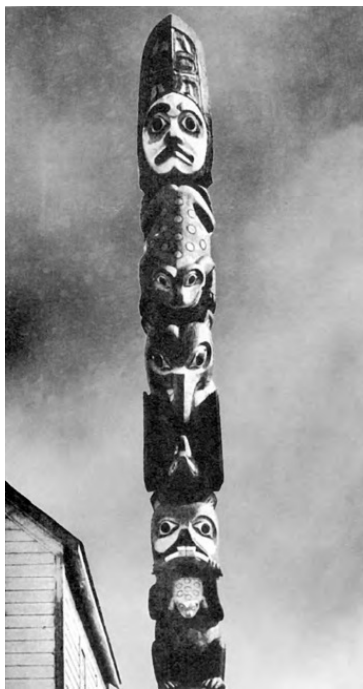
Иногда человек убеждается, что фетиш бесполезен. Тогда обманувшему его предмету приходится претерпеть наказание. Его быют, истязают или просто выбрасывают⁸⁵.

Постепенно фетиши приобретают человекоподобный облик. На них грубо намечают черты человека – предка или духа. Такие фигурки особенно характерны для африканских народов. Это прототипы будущих идолов.

У северных индейцев мы видим превращение тотемного знака сначала в идола, а затем в геральдический символ племени. В лесах Америки до сих пор стоят эти изумительные по красоте изваяния. Тотемные столбы индейцев являются подлинными шедеврами мирового искусства. Их фантастические узоры, причудливо переплетаясь, создают жуткие и манящие образы родовых духов. Человеческие маски грозятся на звериные тела, крылья птиц соседствуют с извивающимися хвостами легендарных чудовищ. И все это играет яркими красками⁸⁶.

В развитом язычестве божество или демон уже не ото-

жествляются с самим изображением. Считают, что оно лишь носит в себе часть силы первообраза. Но элемент фетишизации сохраняется долго, и еще в древневосточных и античных культах мы находим следы того представления, что бог обитает *внутри* своего кумира.

Тотемный столб. *Северная Америка*

Но мы крайне обеднили бы понятие о первобытной рели-

гии, если бы стали утверждать, что попытка установить контакт с духовным миром ограничивалась талисманами, фетишами или тотемными изображениями.

Существовал и мистический путь общения с духами, который и составляет главный непреходящий интерес в первобытной религии.

«Стихийному пандемонизму религиозного мировоззрения, – пишет Вл. Соловьев, – соответствует так называемое шаманство в области религиозного культа»⁸⁷. Нужно думать, что с течением веков духовная интуиция у первобытных людей ослабевала. И поэтому из их среды стали выделяться люди, обладающие особой мистической и оккультной одаренностью. На них была возложена миссия посредников между человеческим родом и окружающим его миром демонов и духов.

Глава третья

Доисторические мистики

*Все было ясно для первых людей, тайны природы
не были так скрыты от них, как от нас.
Яков Бёме*

Всякая религия складывается из *трех* основных элементов: мировоззрения, жизненных нормативов и мистического чувства, которое находит внешнее выражение в культе. Первый элемент обращен к интеллекту человека, второй – к его волевым устремлениям, а третий – к его эмоциональной сфере и интуиции. Причем этот последний является основополагающим. Поэтому-то культ, в какую бы он форму ни облакался, играет в религии такую важную роль. «Внутреннее содержание культа, – пишет один французский психолог, – составляет непрерывное общение с Божеством с помощью осязательных средств; без культа можно знать о существовании Бога или богов, знать их приказания, но только посредством культа можно беседовать с Божеством»⁸⁸.

Разумеется, под словом «культ» мы здесь должны понимать нечто очень широкое. Даже в тех религиях, где внешние их выражения сведены к минимуму, все же какой-то «культ» существует. Человеку свойственно связывать свои внутренние переживания с какими-то действиями, во что-то их об-

лекать. Отсюда и слово «обряд» (от «облечь», «обрядить»). В общении между собой люди никогда не могут избежать хотя бы самой простой формы обряда. Обряд помогает не только человеческим контактам, но и нашей устремленности к Высшему.

В этой главе мы рассмотрим доисторический культ в его главных формах, рассмотрим те пути, по которым душа наших далеких предков поднималась к невидимому миру.

Метафизическая катастрофа, которая оторвала человечество от полноты непосредственного созерцания Бога, привела к оскудению духовной интуиции. Поэтому, стремясь обрести утерянное, люди стали искать способы вернуться к прежнему состоянию. Одним из таких способов стало искусственное вызывание *экстаза* при помощи плясок, ритмичной музыки, массовых радений. Это была попытка как бы приступом овладеть крепостью духа.

В восторженном опьянении, которое вызывали коллективные ритуалы, люди кружились в такт ударам первобытных барабанов; все обыденное переставало существовать, казалось, что душа летит далеко и освобождается от гнетущих пут. По существу, это была попытка механическим путем обрести духовную свободу и могущество. Но в этой попытке, при всей ее надрывности, трогательна та сила неутолимой жажды высшего, которая не давала человеку погрязнуть в беспросветном, полуживотном состоянии. Пожалуй, и эпидемия исступленных танцев в наши дни тоже есть,

пусть уродливое, отражение духовной неудовлетворенности и стремления вырваться за пределы обыденности.

Массовые радения принадлежат глубочайшей древности, и у нынешних примитивных народов от них остались лишь некоторые следы⁸⁹.

У большинства же «диких» народов мы застаем уже следующую стадию развития – *шаманизм*. Здесь на первое место выступают избранники, те, кто пытается проложить путь к сверхчеловеческим силам. Ясновидцы, мистики, прорицатели хранят и совершенствуют «архаическую технику экстаза». На этом этапе духовной истории утверждается вера в то, что высшими тайнами «обладают люди, исключительно одаренные по своей организации, являющиеся посредниками между своими соплеменниками и этими загадочными силами»⁹⁰.

Хотя слово «шаман» сибирского происхождения, оно прилагается обычно как обобщающая категория ко всем духовидцам и экстатикам, какое бы местное название они ни носили⁹¹. Сейчас невозможно установить, где впервые зародился шаманизм. Очевидно, он возник независимо у разных народов. Зачатки его восходят, вероятно, к очень ранним временам, и постепенно он становится явлением повсеместным. Мы находим его у примитивных тасманийцев и у кубу, в Меланезии и в Северной Америке, на Огненной Земле и у африканцев, в Сибири и у народов Алтая⁹². В последнее вре-

мя это интереснейшее явление доисторической религии исчезает быстрее других живых следов прошлого. Шаманы Северо-Восточной Азии вынуждены были отступить перед натиском бурных общественных и политических изменений в Сибири, окоюму негритосов и их африканские собратья почти вымерли под влиянием европейской цивилизации. Колонисты, как правило, грубо попирали древние священные традиции туземных культур. Нередки были случаи, когда решительные методы некоторых миссионеров прошлого (особенно протестантских) приводили к быстрому и бесследному исчезновению шаманизма. Однако среди многих туземных народов шаманы и заклинатели еще существуют и пользуются прежним влиянием. Сведения о них, а также данные об уже исчезнувших шаманах дают возможность в какой-то степени восстановить картину этой древней попытки проникнуть за завесу бытия.

Существует немало гипотез о возникновении и характере шаманства. Одни считают его древнейшей религией, другие связывают с магией, третьи видят в нем очень позднее явление религиозной истории. Выдвигается предположение, что шаманизм обязан своим возникновением психическим болезням. Истерия и эпилептические припадки больных людей вызывали суеверное благоговение, и таким образом шаманизм якобы оказывается своеобразным «культом сумасшествия»⁹³. Но такая трактовка является односторонней. Не подлежит сомнению, что в шаманизме действительно было

много патологических элементов, но одним этим объяснить его универсальное распространение и влияние на культуру невозможно. Туземцы действительно боятся душевнобольных, но, как правило, они их не «почитают», а убивают. Не говоря о том, что они становятся опасны, в них видят одержимых демонами и стараются от них избавиться⁹⁴. Кроме того, если бы речь шла только о заболеваниях, то теряла бы всякий смысл «архаическая техника экстаза», не нужны были бы те методы, которыми человек вызывает в себе состояние сосредоточения, транса и каталепсии. Теперь установлено, что современные люди, обладающие телепатическими способностями, и индийские йоги могут произвольно вызывать в себе эти особые состояния, и при этом психика их вполне нормальна.

* * *

Был ли шаманизм особой религией? Против этого свидетельствует тот факт, что шаманы часто существуют наряду с развитой религией и жречеством⁹⁵. Шаманизм известен и параллельно с тотемическими представлениями, и с первобытным монотеизмом, и с религией Богини-Матери и продолжает существовать в историческую эпоху наряду с самыми различными религиями Запада и Востока⁹⁶. Поэтому В. Харузина справедливо утверждает, что «шаманство не есть

стадия религиозной мысли; оно не есть религиозная система, предполагающая комплекс религиозных представлений. Шаманство есть только одно *проявление* религиозных верований народа, нередко уже очень сложных, покоящихся иногда на политеистических воззрениях»⁹⁷.

В шаманстве сохраняется, в качестве пережитка, представление о всеобщем Божественном Отце, но главным образом его мистическое восприятие обращено к Великой Матери, Душе мира и к многообразным низшим духовным существам. Это те силы, существование которых очевидно для ясновидческого зрения, о которых постоянно говорят Я. Бёме, Э. Сведенборг, Р. Штайнер, оккультисты и мистики.

Ритуальная маска шамана. *Африка*

Субъективная эмоциональная сторона шаманизма нередко характеризуется ощущением великой космической радости причастия к мировой Душе, которое мы позднее находим в греческом дионисизме. Объективно за религиозным опытом шамана стоят, скорее всего, скрытые носители одухотворенности мироздания из сферы трансфизического бытия⁹⁸.

О том, что мироощущение и мистика шаманизма не есть плод лишь болезни и заблуждений, красноречиво свидетельствует его практическая значимость в жизни туземных народов на протяжении веков.

* * *

Экстатические состояния транса делают шамана медиумом и ясновидцем, к нему прибегают и для разрешения различных житейских вопросов. Он безошибочно указывает, где найти в тайге пропавшего оленя, куда нужно отправиться для того, чтобы иметь успех в охоте.

Для того чтобы показать роль шамана в жизни первобытного общества, приведем факт, имевший место в Центральной Африке и сообщенный одним молодым врачом, жившим в тропиках и близко наблюдавшим быт «дикарей»⁹⁹.

В племени гола было совершено несколько убийств, виновника которых обнаружить не удалось. Когда были исчерпаны все обычные методы розыска, вождь племени Бойма-Куи обратился к так называемому «Большому таинству Прута». Все жители деревни сошлись на поляне перед хижиной собраний, куда привели женщину-заклинательницу. «Ее небольшая голова с почти мужскими чертами сидела на жилистой шее. Большие пронзительные глаза были запряты в глубокие глазницы. Расставив ноги, она опустила перед собой наклонно к земле длинный прут. Направо и налево от

нее присели на корточках две другие женщины. Перед ней молча и неподвижно застыли четверо мужчин и одна женщина – родственники убитого. По знаку Бойма-Куи одна из сидящих женщин начала медленно и ритмично постукивать маленькой палочкой по пруту колдуньи. Мертвая тишина на площади производила непривычное для этих мест тягостное впечатление. Негритянка непрерывно смотрела на свой прут, зажатый в неподвижно вытянутых руках. Темп ударов палочкой по пруту все усиливался. Руки и тело колдуньи как бы окостенели. Она закатила глаза и начала в такт бить прутom по земле. Дикие судороги свели сильное тело женщины, она упала на бок и покатилась по земле, продолжая бить прутom в тяжелом гипнотическом трансе. Окружающие в страхе отпрянули назад... Словно ожидавшая этого момента ведьма полупрыжком настигла сидевшую рядом с четырьмя мужчинами женщину и, словно обезумев от жестокости, начала наносить ей неистовые удары прутom, пока бедная жертва с криком не упала на землю, а мужчины, как от змеи, не отскочили от нее в сторону». Это странное «следствие», несмотря на всю его дикость в глазах европейца, привело, однако, к положительному результату. Обвиненная призналась, и благодаря ей удалось разоблачить и других участников преступления.

В этом эпизоде легко увидеть проявление телепатических способностей заклинателя. Разумеется, как и в любом подобном явлении, в шаманизме было немало шарлатанства и

фокусничества. Но ведь подобные обманы имели место и в парапсихологии. Они не могут служить опровержением действительных способностей шамана.

Об удивительных психических силах шаманов было написано много. Самые непредубежденные исследователи приводят многочисленные личные наблюдения из этой области. Вот что рассказывает этнограф В. Богораз – убежденный позитивист – о своей встрече с шаманом на одном из островов Аляски¹⁰⁰:

«Шаманство на острове пришло в упадок, так как американцы смотрят на него неодобрительно. В сущности, остался один шаман, Ассунарак, потомок старого шаманского рода, глубокий старик. После многих отнекиваний он показал мне несколько образчиков своего искусства...

Он предложил мне набросить на его голые плечи концы большого красного американского одеяла. Руки шамана были скрещены на груди, но одеяло каким-то чудом прильнуло к его спине.

“Держи крепче!” – приказал он, нагнулся и пополз из внутреннего помещения. Я крепко держал одеяло за два свободных конца. Одеяло натянулось и потянуло меня за собой. Я уперся ногами в нижнюю поперечину, скреплявшую остоу шатра. И вот, о диво, весь шатер начал вставать дыбом. Справа и слева блеснула луна. Я упорствовал. Весь шатер перекосялся. Груда посуды, лежавшая в углу на шкурах, со звоном рассыпалась. Наконец, и ушат с тающим снегом и во-

дой опрокинулся и пролился. Тогда, устрешенный, я выпустил концы одеяла. Старик немедленно уполз из шатра, как змея, и крикнул мне оттуда с торжеством: “А что, одеяло-то – мое!..”»

Это гипнотическое воздействие особенно проявляется во время медиумических сеансов шамана, называемых в Сибири *камланием*. «Многие, – пишет один исследователь, – утверждали всерьез, что видели и ощущали наяву все, о чем говорил шаман». «Шаман, находясь во время камлания в особом истерическом трансе, и в самом деле может совершать необычные действия, которые человек в нормальном состоянии проделать не в силах»¹⁰¹.

Ненцы (самоеды) нередко присутствуют при «таинственном действии кудесника, напоминающем спиритические сеансы. Заклинатель велит присутствующим связать ему руки и ноги, закрыть ставни и призывает подвластных духов. В темной юрте слышатся всевозможные голоса и звуки. Когда весь шум оканчивается, отворяется дверь юрты – и шаман входит со двора, не связанный ни по рукам, ни по ногам»¹⁰².

* * *

Кроме явлений телепатии и внушения в шаманской практике имеют место и феномены телекинеза. Об одном странном случае подобного рода сообщает американский биолог

Ф. Моуэт, долго живший среди вымирающего эскимосского племени ихалюмтов.

«Как-то осенью после полудня, — пишет он, — на второй год моего пребывания в стране Барренс, мы с Энди спокойно сидели в хижине у Залива Ветров, пили чай и болтали. Внезапно наша хижина сильно затряслась — примерно так же, как трясет в зубах крысу злая собака. Мы вскочили и выбежали за дверь, уверенные, что произошло землетрясение. Однако на берегу реки ничего подозрительного мы не заметили. Небольшое стадо оленей мирно отдыхало на противоположном берегу. Сентябрьский день был тих и навевал дремоту. Сбитые с толку и несколько обеспокоенные, мы вернулись к прерванному чаепитию. Едва мы уселись, как хижина снова затряслась. Жестяные кружки упали со стола, заткнутые за стропила распялки с шумом полетели на пол. Встревоженные не на шутку, мы опять выскочили из хижины и опять не обнаружили ничего, что бы объяснило неожиданное сотрясение хижины». Изумленные путешественники побежали к палаткам эскимосов, но те ничего не знали и ничего не заметили. А один из них посоветовал сходить к шаману Какуми. “Тут недалеко за холмом живет Какуми, — сказал он. — Может быть, он знает, что случилось. Похоже, это дело рук дьявола”».

«Я направился к жилищу Какуми, — продолжает Моуэт, — и, когда спросил его, тот ответил сразу же, словно ожидал моего прихода и знал, что я приду. “Это был Апопа, — объ-

яснил он, – озорник Апопа. Он пролетел здесь, и я заметил, как задрожал воздух, и понял, что он совсем близко...»¹⁰³

В другом месте Моуэт рассказывал, как эскимос Утек вылечил его «наговоренной водой». Однажды у путешественника начались сильные рези. Тогда Утек после длительных колебаний смущенно попросил Моуэта испытать его «средство». Не желая обидеть эскимоса, тот согласился. Утек налил чистую воду в жестяную кружку и стал петь заклинания. «Он очень хотел помочь мне, но в то же время его мучил страх подвергнуть насмешкам и себя, и свои убеждения». Действие воды оказалось мгновенным¹⁰⁴.

Много необычайных фактов сообщают этнографы о таинственных способностях туземцев. Так, жители островов Фиджи во время священного танца без всякого вреда ходят по камням, раскаленным добела¹⁰⁵. У бушменов пустыни Калахари известно убийство при помощи одного внушения¹⁰⁶. П. Гэсо, рассказывая о своей жизни среди африканского племени тома, приводит такой случай. Когда он со своими товарищами отдыхал в хижине, их поразили необычные звуки. Их слышали все трое. Рядом с ними спал шаман Вуане. «Вдруг царапающие звуки возобновляются с еще большей настойчивостью. С пронзительным скрипом открывается дверь. На пороге стоит Вуане в коротком бубу, в коротких штанах и с непокрытой головой. Но ведь он – у моих ног, на своей циновке. Он лежит на боку, повернувшись ко мне спиной. Я

вижу его бритый затылок. Между нами на земле стоит лампа, горящая тускло, как ночник. Я не смею пошевелиться и, затаив дыхание, смотрю на Вуане. Он какое-то мгновение колеблется, наклоняется, проходит под гамаками Тони и Верилия и медленно укладывается в самого себя. Вся эта сцена разыгрывается за несколько секунд». Трое французов оказались очевидцами странного явления. «Нельзя найти никакого разумного объяснения этой коллективной галлюцинации, – говорит далее Гэсо. – Вериль, единственный из всех нас разбирающийся в спиритизме, оказался в это время единственным, кто безмятежно спал. Он находит это сверхъестественное приключение почти банальным»¹⁰⁷. Действительно, перед нами характерный случай феномена, известного как «произвольный выход в астрал».

«Обычно, – пишет А. Элькин, – знахари являются одновременно и медиумами. Этого, конечно, и следовало ожидать, ибо самая важная часть их подготовки состоит в испытаниях, во время которых они якобы видят души умерших людей и других духов»¹⁰⁸. Если даже среди европейцев, в значительной степени утративших древние способности человека, известны многообразные парапсихические явления, то тем более вероятно встретить их у туземцев. Именно эти способности, в связи с верой в духовный мир, и составляют реальную основу шаманизма.

Эдуард Тэйлор с наивным высокомерием человека XIX века спрашивал: «Не обладают ли индийский знахарь, татар-

ский некромант, шотландский духовидец и бостонский медиум одинаковой верой и знанием, которые, может быть, в высшей степени истинны и важны, но которые тем не менее отброшены великим умственным движением двух последних столетий как не имеющие никакой цены? Но в таком случае не есть ли то, чем мы обычно хвалимся и что называем новым просвещением, – не есть ли это на самом деле упадок знаний?»¹⁰⁹. И он уверен, что ответ будет отрицательным. Между тем его убежденность в высшей и абсолютной ценности «нового просвещения» есть лишь плод его собственной веры в прогресс, веры, которая теперь уже не кажется столь незыблемой. Конечно, у «дикаря» нет паровой машины, нет тем более атомного двигателя, но являются ли эти достижения «нового просвещения» результатом духовного прогресса? Не терял ли человек вместе с цивилизацией многие свои древние духовные способности? Идея регресса казалась Тэйлору немыслимой, но мы теперь хорошо знаем, что рост материальной цивилизации вовсе не обязательно способствует духовному росту и тем более не является условием для него. Цивилизация как бы говорит устами Великого инквизитора: «Мы дадим вам хлеб и возьмем вашу свободу».

Разумеется, сам по себе рост материальной цивилизации не есть зло. Он становится злом, когда вытесняет духовные ценности. А этот соблазн человек почти никогда не в силах преодолеть. Одним словом, я здесь не защищаю первобытного образа жизни, а только хочу сказать, что наличие ракет

и холодильников не дает права «цивилизованному» человеку считать себя духовно выше всех тех, кто был лишен благ технического века.

* * *

То, что доисторические медиумы и шаманы оказывались носителями необычайных дарований и сил, создавало им прочный авторитет в народе. Ведь не нужно забывать, что шаманизм нередко служил житейским целям. Если бы эвенкам или индейцам слишком часто приходилось разочаровываться в реальном могуществе и духовной силе шаманов, то шаманство давно бы исчезло. Между тем еще в XIX и XX веках оно было настолько жизнеспособно, что оказывало энергичное сопротивление напору буддизма, христианства и коммунизма¹¹⁰.

Следует заметить, что неудача для шамана – настоящая трагедия. Она не только роняет авторитет, но приводит часто к его полному падению или даже изгнанию. Он считается ответственным за неудачу, и его обвиняют в злонамеренности¹¹¹.

Особенно это относится к тем шаманам, которые берутся лечить людей. Далеко не все шаманы занимаются этим, хотя нередко один человек совмещает в своем лице и прорицателя, и медиума, и врача-знахаря. Не нужно, впрочем,

думать, что шаманское «лечение» – чистое суеверие. Очень часто оно дает удивительные результаты. Так, этнограф Ч. Маунтфорд описывает случай, когда австралийский шаман путем внушения вылечил женщину¹¹². «В Ирракала, – рассказывает об Австралии У. Чеслинг, – разразилась эпидемия дизентерии. Я с отчаяния решил напоить обитателей стойбища (их было около двухсот) касторкой, велел сжечь их шалаши и разбить новое стойбище на противоположном берегу ручья». Больше за лекарством никто не пришел. «Оказалось, что маррнгит-заклинатель “изгнал духа болезни”»¹¹³. Эта процедура описывается во многих исследованиях и имеет общие черты у всех народов. Она сводится к тому, что заклинатель поет гимны и делает вид, что высасывает болезнь. И здесь проявляется могущественная сила внушения¹¹⁴. Впрочем, нередко шаманы отказываются лечить физические недуги. Так, в Якутии специальными «шаманскими болезнями» считают нервные. Именно их в первую очередь берутся излечивать заклинатели¹¹⁵.

В антирелигиозной литературе очень часто приходится сталкиваться с утверждением, что шаманы «грабили и разоряли народ», что они бессовестно эксплуатировали невежественных людей и обирали их как только можно. А между тем в шаманской древней присяге есть такие слова: «Если позовут тебя вместе богатый и бедный, то иди сперва к бедному и не требуй много за труды»¹¹⁶. Такой благородный

принцип сделал бы честь любому современному медику. Напомним, что шаманы, применяя свои способы лечения, никогда не отрицали значения европейских лекарств.

* * *

Как человек становится шаманом? Им может стать не каждый. У северных народов существует поверье, что тотемические духи-предки избирают себе в качестве медиумов либо потомков шаманов, либо особо полюбившихся им людей. Таким образом, решение стать шаманом исходит в первую очередь не от человека. Сами духи призывают его на служение. К. Расмуссен так рассказывает о мистическом призвании его друга шамана Игьюгарьюка: «В молодости Игьюгарьюка часто посещали сновидения. Странные существа говорили с ним во сне, и когда он пробуждался, сновидения стояли перед ним, как живые». Тогда сородичи поняли, что он одарен особой восприимчивостью к воздействиям нездешних сил, и было решено, что он призван стать шаманом¹¹⁷. Будущий заклинатель всеми силами противился своему мистическому дару, тщетно пытаясь освободиться от него. У большинства медиумов-шаманов подобное сопротивление приводит к ужасным галлюцинациям, припадкам, и тягостное состояние длится до тех пор, пока избранный не изъявит согласия на общение с духами. В противном случае дело кончается тяжким заболеванием. «Я бы умер, если бы

не сделался шаманом», – говорил один гиляк. А якутский шаман, который под влиянием миссионера перестал вызывать духов, жаловался русскому исследователю: «Это нам даром не проходит; наши господа (духи) сердятся всякий раз на нас, и плохо нам впоследствии достается, мы не можем оставить этого, не можем не шаманить»¹¹⁸.

Готовясь к своему служению, будущий шаман удаляется далеко от стойбища. Его оставляют надолго в пещере или в шалаше одного без пищи и питья. В эти дни он должен сосредоточиться на мысли о Великом духе и своем духе-покровителе. «Истинную мудрость, – говорил шаман Игьюгарьюк, – можно приобрести лишь вдали от людей в великом уединении, и постигается она лишь путем страданий. Только нужда и страдания могут открыть уму человека то, что скрыто от других»¹¹⁹. Через несколько дней посвященному дают немного пищи, а потом испытание снова продолжается.

«Игьюгарьюк рассказывал: за эти тридцать дней он натерпелся такого холода и голода, так истомился, что временами “Умирал ненадолго”. Но он все время думал о Великом духе, стараясь гнать от себя мысли о людях и повседневных событиях. И лишь под конец явился к нему дух-пособник в образе женщины. Явилась она, когда он спал, и ему чудилось, что она носится над ним... Затем пост повторился»¹²⁰.

Совершенно также происходит посвящение в шаманы и у других народов. У австралийцев, например, «ирунштари-

ния», дух-покровитель, являясь избраннику, вынимает внутренние органы у посвящаемого и заменяет другими. Человек чувствует полное перерождение всего своего тела и духа¹²¹. Невольно вспоминается библейский пророк, воспетый Пушкиным, который пережил такое же перерождение. Здесь речь идет не о метафоре, а о подлинном потрясении, которое испытывает все существо человека. Таким образом, применяя определенные искусственные приемы шаман достигает того, что к нему возвращается крупица древнего ясновидения. Но это ясновидение не проникает дальше низшего мира стихийных духов.

* * *

Шаманы всего мира, от Огненной Земли до Гренландии и от Чукотки до Австралии, связывают свое служение духовному миру с особыми обрядами. В момент призывания невидимых сил заклинатель должен отрешиться от своей повседневной жизни, иметь определенную символическую одежду, головные украшения, жезл или бубен. Последний играет более важную роль, чем думают некоторые исследователи. Не случайно во многих странах его считают обязательным атрибутом шамана. Изготовление его связано с особым ритуалом, части его имеют символическое значение. Североамериканские индейцы на бубнах рисуют красной краской тотемических предков-животных; эвенки делают изображе-

ния духов. Бубен – это не просто музыкальный инструмент. Он выполняет роль своеобразного медиумического орудия, привлекающего духов¹²².

Вызывание духов, *камлание*, происходит чаще всего в особых, специально для этого оборудованных помещениях. Но иногда оно совершается на открытом воздухе. Во время камлания шаман прибегает к музыке как к средству, которое заставляет сердце человека трепетать и биться в унисон с незримыми стихийными силами. Эта музыка нередко производит огромное впечатление даже на европейца. Так, по свидетельству Гэсо, звуки священной мелодии племени тома, которую не должны слышать непосвященные, – это «какие-то вздохи допотопных чудовищ, нечеловеческая музыка первых веков существования Земли, рождающая в душе невыразимую тоску»¹²³.

В пении сибирских шаманов порой звучат слова не известного никому языка, который непонятен и самому шаману. Иногда гимн превращается в призывание и заклятие¹²⁴.

Придите, придите,
Духи волшебства,
Если вы не придете,
То я сам к вам отправлюсь...

Музыка камлания, рассказывает один очевидец, «вначале нежная, неуловимая и произвольная, как шум приближа-

ющейсѣ бури, она растет и крепнет; по ней зигзагами, точно молнии, пробегают дикие окрики: каркают вороны, смеются гагары, жалуются чайки, посвистывают кулики, соколы да орлы. Все те, кто летает высоко над землей, ближе к небу, видимо, обеспокоены ожидаемым появлением, наполняя юрту своим жалобным криком. Музыка растет и достигает апогея, удары по барабану, частые, сильные, сливаются в один непрерывный, все возрастающий гул: колокольчики, погремушки, бубенчики гремят и звенят не устывая; это уже не буря, а целый водопад звуков, готовый потопить сознание присутствующих»¹²⁵.

Камлание часто сопровождается танцем, который заканчивается тем, что шаман приходит в состояние транса. Вот как описывает это явление И. Бьерре, наблюдавший его в пустыне Калахари¹²⁶:

«Бушмены не поклоняются луне, но ее фантастический свет вызывает в них сильную потребность обратиться к Великому духу. В пустыне, где безлунные ночи гнетут человека, луна на редкость сильно влияет на его ум. Физическая сила ее притяжения, заставляющая многие миллиарды тонн воды перекачиваться по земной поверхности в приливах и отливах, трогает и чувствительную душу первобытного человека, который под ее неотразимым таинственным влиянием танцует и поет о своих мечтах. В эти ночи полной луны, когда пустыня купается в призрачном серебристом свете, а воздух подрагивает в такт монотонной песне и топоту ног, я

сам чувствовал на себе чары луны. Ритмическая песня без слов звучала часами. Как бесконечно бегущие волны, она парализовала ум. Казалось, человек покинул свое брренное тело, и ему чудятся фантастические видения, время прекратило свой бег. В песне слышались страстные желания и печаль, она проникала куда-то в подсознание и пробуждала все это пережитое и давно забытое. Песня доносилась издалека, как будто из древних кочевий Африки...

Затем началось нечто совсем необычное. Цонома и Кейгей завывали и зарычали по-звериному... Цонома побежал, издавая пронзительные вопли. В свете луны было видно, как он бежит вокруг поселения. Вдруг, громко взвизгнув, он метнулся между сидящими на корточках женщинами, побежал босыми ногами по тлеющим углям костра... Он стонал, дрожал и, наконец, свалился без чувств».

Каталептическое состояние, которое охватывает шамана, он сам толкует мистически. Он утверждает, что во время транса он поднимается или опускается в запредельные сферы и беседует с духами. Он возвращается оттуда, окруженный сонмом загадочных существ, которые наполняют его жилище. Приходя в себя, заклинатель поет древние песни, в которых выражается радость слияния с силами бытия, с миром духов. Это чувство передается всем присутствующим. «Когда она пела, – говорили об одной эскимосской шаманке, – то себя не помнила от радости, и все в жилье тоже, так как их души освобождались от всего, что их давило.

Они поднимали руки и отбрасывали прочь всякую злобу и ложь»¹²⁷. Но далеко не всегда возвращение бывает столь мирным.

«Пробуждение шамана от транса, – говорит Ф. Моуэт, – происходит иной раз чрезвычайно бурно. Он вскакивает на ноги, одержимый совершенно необъяснимой физической силой. В этот момент полдюжины человек не могли удержать его; он может прорваться сквозь стенку палатки и исчезнуть в темноте, а затем вернуться окровавленным и в последней степени изнеможенным. Шаману, выходящему из транса, случается нанести себе телесное повреждение, которое было бы роковым для обыкновенного человека. Однако у шамана такие раны всегда заживают»¹²⁸.

Транс фиджийского шамана сопровождается стонами, вздутием вен. «Прорицатель с вращающимися выпученными глазами, бледным лицом, с посинелыми губами, обливаясь потом, с видом совершенно бешеного человека высказывает совершенно неестественным голосом волю божества»¹²⁹.

Эта одержимость часто сопровождается нервными припадками или некоторыми видами истерии, но от этого далеко до вывода, что всякий транс доисторических мистиков – только патология. Не являются ли нередко болезненные процессы в душе стимулом для проявления некоторых высших способностей человека? Следует с большой осторожностью

судить о шаманизме, ибо в нем, как и в других родственных явлениях, патология нередко соседствует с гениальностью и подлинным созерцанием незримого.

Шаманизму изначально была присуща двойственность. С одной стороны, «доисторические мистики» были предтечами носителей свободного религиозного вдохновения исторических времен. Все пророки, харизматики, все духовно-творческие зачинатели нового психологически, субъективно принадлежали тому потоку религиозной жизни, который начинается с экстатиков каменного века. То, что веками воспитывалось в мистике Индии, что нашло завершение в орфизме и неоплатонизме, имеет корень в этой высшей одухотворенной стороне шаманизма. Семитское пророчество, бывшее естественной почвой, на которой вырос библейский профетизм, также коренится в нем¹³⁰.

Шаманизм сопротивлялся угасанию духовных сил в человеке, тренировал его «внутреннее зрение», совершенствовал методы экстаза и созерцания. Таинственный невидимый мир открывался в нем не только через «предание» и миф, но был «дан в непосредственном опыте»¹³¹.

С шаманами в мир вступают первые религиозные вожди. «Роль индивидуальных качеств, – отмечает известный этнограф В. Харузина, – чрезвычайно сильна в шаманстве»¹³². А следовательно, здесь мы имеем дело с начальной стадией личного религиозного чувства и призвания. Духовидцы бы-

ли живыми свидетелями иной реальности, которая обычно недоступна человеку. Один путешественник так описывает эвенкийского шамана из Туруханского края: «Он имел, при восприимчивости и впечатлительности своей натуры, пыльное воображение, веру в духов и таинственное с ними общение; мирозерцание его было исключительное... Бледный, истомленный, с острым пронизательным взглядом, человек этот производил странное впечатление»¹³³.

К. Расмуссен не напрасно называл шаманов «искателями правды». Они были носителями наиболее заветных верований и духовных ценностей своего народа. Они нередко были и его наставниками в добре. А. Элькин свидетельствует, что после «посвящения» знахари-ясновидцы «остаются под глубоким впечатлением своих духовных преимуществ» и это укрепляет в них чувство нравственной ответственности. «В Восточной Австралии, – говорит ученый, – знахаря называют кураджи, что означает мудрец. Среди знахарей могут попасться и шарлатаны, как это отмечали первые исследователи, но то же самое можно сказать о любой профессии. Однако тот, кто прошел через обрядовые и духовные испытания, пережив смерть и “возвращение к жизни”, должен руководствоваться в своем поведении высокими идеалами»¹³⁴.

Эта этика прорицателей тесно связана и с их ролью целителей. Исследователь загадочного племени айну (Дальний Восток) писал: «Постоянное стремление облегчить страдания своих ближних развивает в айнских шаманах более вы-

сокий строй мыслей и альтруистические чувства. Разговор с шаманом всегда представляет интерес, так как он обладает живой фантазией, которая часто уносит его за пределы повседневной жизни. Он часто доступнее... чувству сострадания к чужим горестям»¹³⁵.

Кристофер Даусон особенно подчеркивает большую религиозно-социальную роль шаманства в истории. Уважение, которым окружен провидец, по его мнению, есть первое проявление победы духа над силой. Он подчеркивает, что институт шаманства открывал пути для духовно одаренных личностей. «В Северной Америке, – говорит Даусон, – шаман часто и пророк, возглавляющий свой народ во время социальных кризисов... Все великие племенные движения в Северной Америке можно вывести из учения неких пророков, которые притязали на своего рода мессианское откровение. Такова была проповедь Текумсе и его брата “пророка” – людей благородного характера и возвышенного образа мыслей»¹³⁶.

Однако в шаманизме есть и другая струя, которая в первобытных культурах проявлялась очень сильно. Она обнаруживает разлом и раздвоение в мистическом сознании. Не случайно шаманизм называли «черной верой». То, что мы знаем о шаманах различных стран и о характере их откровений, позволяет сделать вывод, что их «сверхъестественный опыт» (если оставить в стороне обман и патологию) был, очевидно, чаще всего опытом *окультным*. Темные демонические силы овладевали человеком и через него оказывали па-

губное влияние на религию и культуру. В шаманизме очень распространены явления, которые были известны в европейском темном оккультизме. Нередко шаманский культ выливался прямо в преклонение перед злыми силами и демонами. Этому не приходится удивляться. Люди боялись злых духов и старались привлечь их на свою сторону. Зло обладало даже своеобразным очарованием, что было причиной многих страшных страниц религиозной истории древности. Кровавые ритуальные оргии в джунглях Африки, человеческие жертвоприношения в Мексике, ритуальный каннибализм – все это трудно признать результатом врожденной жестокости. Эти чудовищные извращения коренились в глубинах мистического зла, которое встает на пути человеческих исканий как соблазн и испытание. Каннибализм, по словам Г. Честертона, «не первобытный и даже не зверский, т. е. звериный обычай. Каннибализм искусственен и даже изыскан, как истинное “искусство для искусства”. Люди едят людей совсем не потому, что не видят здесь ничего плохого. Они прекрасно знают, что это ужасно, и поэтому едят»¹³⁷.

Между прочим, думается, что старинные легенды о девушках, которых отдают в жертву дракону, не есть сплошной вымысел. Как полагают, даже в наши дни в некоторых изолированных озерах сохранились гигантские представители чудовищного царства рептилий прошлого.

Возможно, подобные редкие пресмыкающиеся были известны и в древности. Их окружали суеверным страхом и

приносили им в жертву людей до тех пор, пока какой-нибудь смельчак не убивал ящера. Отсюда – сказания о рыцарях-избавителях.

На демонические черты первобытных шаманских культов указывает одно любопытное якутское сказание, согласно которому первый Великий шаман был противником Бога¹³⁸. Через весь шаманский мистицизм настойчиво проходит мысль о том, что духовный мир нужно подчинить человеку, заставить его служить себе. Эскимосские шаманы, например, в дни своей подготовки ждут духа-покровителя, чтобы вступить с ним в схватку и покорить его¹³⁹. Камлание часто есть *приказ* духам явиться на зов повелителя¹⁴⁰. Здесь происходит *извращение религиозного инстинкта*, человек вновь и вновь стремится утвердить свою власть и волю над Высшим. Для этого он ищет и, как ему кажется, находит верные способы и пути. Так зарождается *магия*, о которой речь будет в следующей главе.

Итак, шаманизм – не простое суеверие, а одна из древних попыток человека прорваться к потерянному Эдему. Но чаще всего эти попытки приводили его на скользкий путь оккультизма, и, стремясь овладеть миром низших духов, он сам оказывался в их власти.

Глава четвертая

Магическое мирозерцание

*Весь мир подвластен богам,
боги подвластны заклинаниям,
заклинания – брахманам.
Наши боги – брахманы.
Индийская поговорка*

В двадцатых годах нашего столетия известный французский исследователь пещер Норберт Кастере сделал интересное открытие. Спустившись в один труднодоступный грот, он обнаружил в нем фигурки медведя, лошади, тигров, вылепленные из глины. Вокруг на стенах были высечены контуры мамонтов, оленей и других доисторических животных. На полу валялись обломки кремниевого оружия и были видны следы ног. Так впервые за много тысяч лет люди оказались в жилище или святилище своих далеких предков.

Особенно привлекло внимание исследователей то обстоятельство, что у некоторых статуэток были отрублены головы. На глиняных фигурах виднелись следы многочисленных ударов. Медведь, например, был весь испещрен ударами стрел и дротиков¹⁴¹. Для чего первобытный художник так уродовал свои великолепные произведения? Просто с досады? Или это была игра?

Нет, перед исследователями оказалось еще одно древнее свидетельство о первобытных *магических* обрядах.

Когда мы говорим слово «магия», оно невольно ассоциируется у нас с чем-то таинственным, мистическим. Кажется, что магия непременно принадлежит сфере «сверхъестественного». Но так происходит потому, что мы связываем магию с представлениями, сильно отличающимися от воззрений первобытного человека. Как мы видели, для него резкой границы между сверхъестественным и естественным не существовало. Мир был един, и силы видимые неразрывно переплетались в нем с невидимыми.

Пожалуй, дикари были кое в чем мудрее нас. В самом деле, многие из нас до сих пор считают, что если утром взошло солнце – это естественно, а если оказывается, что возможно установить контакт с сознанием умершего человека, – это уже нечто сверхъестественное. Между тем в полном смысле слова сверхъестественным в мире ничего назвать нельзя. Одному плану бытия свойственны одни законы, другому – другие. Физики показали нам, что микромир сильно отличается от макромира и мегамира. Легко предположить, что и другие измерения Вселенной, трансфизические и духовные, будут иметь свои особые черты. Когда столкновение этих планов становится явным, происходит то, что называют чудом. Но оно не сверхъестественно в подлинном смысле слова. Сверхъестественно лишь то Высшее Начало, которое действительно стоит *над* естеством, над творением. Не слу-

чайню поэтому *Августин* писал, что чудеса противоречат не природе, а известной нам природе.

Впрочем, не об этом сейчас речь. Нас интересует в древней магии не столько соотношение планов бытия и законов мира, сколько субъективные, внутренние мотивы, которые руководили доисторическим магом.

По определению одного отечественного автора, «магией называются различные действия, цель которых – *повлиять* воображаемым сверхъестественным путем на окружающий мир»¹⁴². В этом определении верно одно: магия действительно имеет целью повлиять на окружающий мир. Но отнюдь не всегда решающую роль играют в ней «сверхъестественные» способы. С того самого момента, как человека озарил свет сознания, он уловил наличие в мире причинных связей. И это же осмысление природной казуальности он применил в магии.

«Анализируя принципы мышления, лежащие в основе магии, – говорит Д. Фрэзер, – мы обнаруживаем, что они сводятся к двум: первый принцип гласит, что сходное происходит от сходного, что следствие подобно своей причине; согласно второму принципу, предметы, которые однажды находились в длительном контакте или общении между собой, продолжают действовать друг на друга тогда, когда это общение прекратилось»¹⁴³.

Мы должны отметить, что эти принципы не носили какого-то мистического характера, а относились, по мнению «ди-

карей», к обычной природной сфере, хотя в то же время они видели ее пронизанной сверхприродными существами.

Главной задачей магии было использовать открытые человеком закономерности для своих повседневных нужд и целей.

* * *

Жизнь первобытного человека неразрывно связана с охотой. Поэтому прежде всего магические операции относились к ней. Так называемая «промысловая магия» сохранилась и у современных отсталых народов. Папуасы Новой Гвинеи при охоте на морского зверя помещают в острие гарпуна маленькое жалящее насекомое для того, чтобы его свойства придали остроту гарпуну. Колумбийские индейцы в те дни, когда долго нет рыбы, изготавливают чучело рыбы и бросают в реку. Считается, что это действие должно привести косяки к их берегам¹⁴⁴.

Широко известен ритуал североамериканских индейцев, обычно предшествовавший охоте на бизонов. Этот ритуал состоит в пляске, которую исполняют охотники, вооруженные копьями и луками и одетые в шкуру бизона. Пляска-пантомима изображает охоту. Когда один из танцующих устает, он делает знак, и в него пускают притупленную стрелу. Индейцы убеждены, что эта церемония должна привлечь бизо-

на и охота будет удачной¹⁴⁵.

Совершенно очевидно, что эти представления играли большую роль и в жизни пещерных жителей. Именно о таких магических действиях и свидетельствуют пронзенные стрелами статуи в пещерах, рисунки быков и лошадей, усеянные стрелами. О них же молчаливо повествует меченная стрелами фигурка львицы, найденная во Франции. Очевидно, перед началом охоты первобытные люди совершали такие же обряды, как позднейшие «дикари». Они метали копья в изображения зверей, рисовали на них стрелы, чертили магические знаки. Они, также как австралийцы или индейцы, думали, что существует некая связь между изображением зверя и самим зверем¹⁴⁶.

В Средней Азии в ущелье Зараут-Сай до сих пор еще можно видеть доисторические рисунки, напоминающие индейский «бизоний танец». Там видны фигуры людей, одетых в длинные плащи; они танцуют вокруг быка, на которого направлены стрелы. Очевидно, эти рисунки имели магическое значение и должны были помогать охотникам¹⁴⁷.

То, что эти магические приемы были тесно связаны с обыкновенной охотничьей практикой, доказывает их сходство с некоторыми хитростями и приемами первобытных звероловов. В частности, маскировка использовалась индейцами для того, чтобы ближе подкрасться к животным. То же самое проделывали африканцы при охоте на страусов. Заме-

чая, что эта маскировка дает хорошие результаты, люди стали считать, что и сама по себе она может принести охотничий успех¹⁴⁸.

* * *

С переходом к земледелию человек стал искать эффективных способов увеличить урожай или предотвратить падеж скота. Например, у меланезийцев до сих пор сохранилось обыкновение зарывать при посадке ямса особые камни, по форме напоминающие клубни ямса. Полагают, что это действие способствует росту ямса¹⁴⁹. У австралийцев известна церемония «интихиума», которая должна в начале сезона дождей содействовать размножению священных растений и животных¹⁵⁰. Существовали заговоры и заклятья, которые якобы служили для уничтожения вредителей. Многочисленные обряды скотоводов всех стран также носят ярко выраженный магический характер¹⁵¹.

Широко распространено представление о том, что человек при помощи известных действий может повлиять на атмосферу. Так, знахарь из Центральной Африки предполагает, что выливая особым образом на землю кувшин воды, он может вызвать дождь, а австралийцы думают достичь тех же результатов, создавая при помощи перьев шум, подобный шуму дождя; точно так же индейцы ожидают дождя от сде-

ланного ими макета тучи. Известны «средства» для вызывания засухи и для прекращения солнечного затмения.

У индейцев навахо перед зимним солнцеворотом совершают особый магический обряд. «Люди верят, что солнце устало, и пытаются оживить его силы, зажигая магические костры. Такие церемонии поражают своей внушительной красотой...

Участники церемонии появляются при этом празднично раскрашенными в белый цвет в честь солнца, с ниспадающими до плеч распущенными волосами. Этих актеров называют «странствующими солнцами». В руках они держат изукрашенные перьями танцевальные палочки, танцуют они сомкнутой вереницей вокруг огня и стараются подпрыгнуть к огню как можно ближе... При этом они подражают движению солнца, двигаясь с востока на запад и обратно»¹⁵².

* * *

Но не только животные, растения и природа вообще являются объектом магических операций. Очень часто они направлены на человека. Существуют бесчисленные виды «приворотных зелий» и амулетов, которые должны склонить к любви холодные сердца. Индейцы, например, употребляют «снадобье» из волос девушки, которую хотят «околдовать»¹⁵³.

Магия заменяет и медицину, опять-таки исходя из воображаемой связи сходных между собой явлений. Характерен в этом отношении обряд *кувада*, известный у разных народов. Он заключается в том, что во время родов муж одевается в женское платье, ложится в постель и инсценирует роды¹⁵⁴. Это должно было доказать его кровную связь с новорожденным и в то же время содействовать роженице.

По закону «сопричастия» совершают вредоносные магические обряды над обрезками ногтей, волосами, одеждой тех людей, которым хотят причинить вред. По закону «подобия» лепят фигурки врагов и совершают над ними «убийство» или наговор. Это непременно должно оказать воздействие на намеченную жертву¹⁵⁵.

Австралийцы особенно боятся так называемого «нацеливания» костью. «Для этого острую кость, вырезанную в виде маленького дротика, нацеливают в далекого врага и с произнесением проклятий бросают в его сторону»¹⁵⁶.

«Самым удивительным во всем этом, – пишет Ю. Липе, – является то, что человек, чувствующий себя жертвой подобного рода колдовских чар, часто действительно умирает, потому что он сам верит в силу их действия, как и те, кто его околдовывает... Подобный случай я сам наблюдал у индейцев оджибве, у которых знахарь на расстоянии “загубил” врага при помощи магического заклинания»¹⁵⁷.

В этой «вредоносной» магии есть и элементы оккультиз-

ма, и элементы внушения, и просто суеверия. Но опять-таки нам важна не сама магия, а субъективные побуждения, с которыми к ней прибегают.

Вышеприведенные примеры достаточно ясно характеризуют эту субъективную сторону магизма. Его главный нерв – использование сил, все равно, природных или сверхприродных, в повседневных целях и личных нуждах.

* * *

Магия была основана на заблуждении. Но это заблуждение не являлось абсолютным. Было правильно понято наличие в мире закономерностей и причинных связей, хотя реальное знание этих законов отсутствовало или находилось в зачатке.

Ритуальный танец в Африке

Фрэзер очень близок к истине в своей характеристике сущности магии. «Когда магия является в своей чистой и неизменной форме, – пишет он, – она предполагает, что в природе явления должны следовать одно за другим неизбежно и неизменно, не нуждаясь во вмешательстве личного или духовного агента. Итак, ее основоположения тождественны с основоположениями современной науки»¹⁵⁸.

Здесь он лишь повторяет Тэйлора, который указывает на значение таких заблуждений, как астрология и алхимия, для развития естествознания. Цель науки – *заставить* природу служить человеку. Такова же и цель магии. Фрэзер даже считал, что магия предшествовала религии, что первоначально

человек прибегал к магическим приемам как к более или менее необходимым действиям в своем труде и жизни. И лишь тогда, когда он постепенно понял, что не властен покорить облака или зверя, он стал обращаться к более могущественным существам – духам¹⁵⁹

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.